Авторизированный и исправленный перевод с украинского на русский язык. Оригинальная публикация: *Іван Дивний*. Кілька зауважень до початкової історії Києво-Кирилівської церкви (спроба інтерпретації джерел) // Український археографічний щорічник. – Київ, 2018. – Вип. 21-22. – С. 301-339.

* * * * *

Иван ДИВНЫЙ (*Киев, Украина*)

Несколько замечаний к начальной истории Киево-Кирилловской церкви (опыт интерпретации источников)

1. Внутренний ход в южной стене диаконника Киево-Кирилловской церкви и его интерпретации в историографии

Загадочные ступени, расположенные в толще внешней алтарной стены южного придела Кирилловской церкви в Киеве[*], в последние годы стали предметом специального рассмотрения в нескольких научных публикациях. К сожалению, ни один из известных исторических источников, включая немногочисленные летописные сообщения, не упоминает, хотя бы вскользь, эту конструкцию, также пока не найдены её прямые аналоги в сохранившихся домонгольских храмах. Первое же печатное упоминание о ступенях появилось в 1917 году в путеводителе историка и искусствоведа Константина Шероцкого “Киев”:

“Проход на хоры устроен в северно-западной стене, где видна древняя кладка; такой же узкий проход имеется внутри южной стены у алтаря Кирилловскаго придела, будучи предназначен для новопристриженных монахов, проводивших некоторое время в храме, или для какого-либо хранилища, не исключая и погребального назначения, так как погребение в подобном помещении в 1909 г. было найдено худ. Святославским внутри стены главной алтарной апсиды. Один акт XVII в. (1609 г.) упоминает также «склепик» у жертвенника (ниша?)”[1].

Таким образом, уже первая публикация об этой архитектурной детали не опирается ни на какой-либо письменный источник, ни на предания, не ссылается хотя бы на позднюю традицию использования, а является по сути произвольным исследовательским

---

[*] Приносим искреннюю благодарность Ирине Евгеньевне Марголиной за предоставленную возможность осмотреть эту архитектурную конструкцию.

[1] *Шероцкий К. В.* Киев: Путеводитель. – К., 1917. – С. 222.

допущением. Аналогичные допущения, базирующиеся на физических параметрах конструкции, особенностях её оформления, а также архитектурных и исторических аналогиях, вынуждены делать все последователи Константина Шероцкого. Собственно, сам Шероцкий в приведённой нами цитате выдвинул целых три гипотезы о возможном использовании внутристенного хода диаконника.

Уже в послевоенный период вопрос заинтересовал историка архитектуры и археолога Николая Холостенко. По его мнению, ступени в толще южной стены заканчивались небольшим “балконом”, который мог использоваться: 1) как место для публичного оглашения проповеди; 2) как ход на второй ярус апсиды, который так и не был почему-то построен; 3) как незавершённый ход на хоры[2]. В этом же русле мыслит историк искусства Василий Пуцко, предполагая, что на “балконе” во время службы могли стоять певчие (небольшой хор)[3]. Мысль же искусствоведа Владимира Сарабьянова, что таким способом поднимались на уровень темплона (горизонтальной балки), следы крепления которой в виде прямоугольного углубления-паза сохранились на стене юго-восточного столба храма на высоте 4 м 90 см от уровня пола, де-факто является технической констатацией и не обьясняет ничего по сути[4].

Развёрнутая критика указанных версий была проделана самой известной из современных исследователей Кирилловской церкви Ириной Марголиной и принципиальных возражений у нас не вызывает[5]. Действительно, чисто “инженерные”, внелитургические обьяснения необходимости такого дорогостоящего и функционально не обязательного архитектурного элемента отводят нас от поисков хотя бы какой-то внутренней логики в область человеческой субьективности, в непрогнозированную стихию “эксцесса заказчика”.

Введение чисто мирского, вспомогательно-технического и не обоснованного с позиций общего задума элемента в сакральную зону храма нарушало бы иеротопию святыни, что могло рассматриваться современниками даже как проявление еретичности. Заказчиками же Кирилловской церкви летопись в разных редакциях определяет великого киевского князя Всеволода из черниговской династии Ольговичей или его жену, дочь Мстислава “Великого” и внучку Владимира “Мономаха”. Всеволод Ольгович был

---

[2] *Холостенко Н. В.* Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве // Памятники культуры. Исследования и реставрация. – М., 1960. – Вып. 2. – С. 6-16.

[3] *Пуцко В. Г.* Приделы Кирилловской церкви в Киеве // Народной музей. – Београд, 1979. – С. 235-255.

[4] *Сарабьянов В. Д.* Новгородская алтарная преграда домонгольского периода // Иконостас: происхождение – развитие – символика. – М., 2000. – С. 312-344.

[5] *Марголіна І. Є.* Архітектурна загадка Кирилівської церкви // Пам’ятки України. Історія та культура. – К., 2013. – № 2. – Лютий. – С. 20-24; *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – К., 2005. – С. 80-83.

человеком чрезвычайно прагматичным и властолюбивым, имел массу прижизненных врагов и достаточно неоднозначную посмертную репутацию. Вряд чи неблагосклонная к нему киевская летописная традиция упустила бы возможность добавить чёрной краски в образ этого нелюбимого киевлянами представителя черниговской династии. Однако такого в летописи нет.

Парадоксально, но такие же претензии можна выдвинуть и к версии самой Ирины Марголиной. В своей монографии 2001 года исследовательница делает довольно смелый вывод: “Враховуючи величезну претензійність Всеволода, його надзвичайне прагнення до влади, яка не мала б обмежень, до звеличення своєї особистості, можна з великою вірогідністю припустити, що загадковий хід і балкон у дияконнику Кирилівської церкви були призначені саме для князя Всеволода: на такому «постаменті» Всеволод ставав вищим за всіх присутніх у храмі прочан і священиків і нижчим – тільки від Бога”. Исследовательница утверждает: он не только стремился уподобиться византийскому императору, как и другие киевские князья, но шёл дальше – хотел вовеличить себя с помощью местопребывания в храме, а следовательно и в Киевской державе. С такого “«п’єдесталу» він міг добре спостерігати за ходом літургії, за прочанами, а ті, у свою чергу, змушені були вклонятися не лише Богові, але й князеві”[6].

Киевские князья вслед за византийскими императорами действительно стремились “звеличити себе за допомогою місцеперебування у храмі”, однако традиционно использовали для этого другое помещение – хоры в западной части сооружения. Причем сама конструкция хоров передусматривала принципиальную возможность оставаться там инкоґнито или, по крайней мере, вне постоянного визуального контакта с большинством прихожан-подданных. Общественная элита слушала службы в церкви не впереди, а позади большинства верующих, сохраняя таким образом внешнюю почтенную статичность, подчеркнутую физическую, а вместе с ней и психологическую дистанцию от остальных присутствующих. То есть, при правоте допущения Ирины Марголиной, князь Всеволод Ольгович решительно порывал с принципиальными обрядовыми традициями своего социального сословия. Эту же версию исследовательница дословно повторила в публикации 2013 года.[7].

---

[6] “Учитывая огромную претенциозность Всеволода, его чрезвычайное стремление к неограниченной власти, к возвеличиванию своей личности, можна с большой вероятностью предположить, что загадочный ход и балкон в диаконнике Кирилловской церкви были предназначены именно для князя Всеволода: на таком «постаменте» Всеволод становился бы выше всех присутствующих в храме прихожан и священников и ниже – только Бога”. С такого “«пьедестала» он мог хорошо наблюдать за ходом литургии, за прихожанами, а те, в свою очередь, вынуждены были преклоняться не только перед Богом, но и перед князем” (*перевод с украинского*). *Марголіна І. Є.* Кирилівська церква в історії середньовічного Києва. – К., 2001. – С. 58.

[7] *Її ж.* Архітектурна загадка Кирилівської церкви. – С. 19-25.

Очевидно, почувствовав слабость такой аргументации, в общей с Ириной Марголиной монографии 2005 года Василий Ульяновский выдвигает новую гипотезу предназначения коридора во внешней алтарной стене. Как и раньше, загадочными ступенями поднимается сам князь, но уже не перед службой, а после неё. К тому же, сравнительно с версией Марголиной, Всеволод Ольгович тут занимается совсем другим:

"Під час літургії він, як і всі вірні в храмі, мав перебувати на своєму звичному місці та брати відповідну участь у службі Божій, слухати навколішки Святу Євангелію, приймати причастя, предстояти кадінню священика тощо. На літургії, коли хліб і вино через Святий Дух перетворюються в Тіло і Кров Господні, неможливо уявити князя на цьому «балкончику», оскільки це становило б нечуване святотатство, яке навряд чи могла дозволити релігійна свідомість руського князя попри всі його амбіції (згадаймо його ж молитовні походи для поклоніння ракам святих Бориса і Гліба у Вишгороді). Здається, таке предстояння Св. Кирилу та своєму духовному праобразові було можливе вже після літургії – у випадках потреби в особливій формі "співбесіди" з небесним патроном. Таким моментом міг би бути день ангела князя, який є днем шанування Св. Кирила Александрійського, тобто 9 червня. У цей день відзначалося також храмове свято. Екстраординарними могли бути випадки особливих молитов князя за успіх у військових, політичних, дипломатичних акціях та молитов за тілесне видужання"[8].

Как и в предыдущем случае, мы не имеем никаких известных исторических прецедентов такого поведения, что в который раз отбрасывает нас в малопрогнозированный хаос индивидуальных особенностей. С другой стороны, среди крайне немногочисленных древнерусских храмов, к счастью, уцелел памятник, чье основание абсолютно однозначно приписывается летописью Всеволоду Ольговичу. Речь идет о Георгиевской церкви в Каневе, заложенной им в 1144 году на самом пике карьеры великого киевского князя. Если бы описанная манера общения с богом была для Всеволода Ольговича традиционной, стоило бы ожидать и в каневском сооружении подобных строительных новаций. Хотя первичная стенопись до нас не дошла, кладка стен

[8] "Во время литургии он, как и все верующие в храме, должен был перебывать на своем обычном месте и принимать соответствующее участие в службе Божьей, слушать коленопреклонённо Святое Евангелие, принимать причастие, предстоять кадению священника и т. д. На литургии, когда хлеб и вино через Святой Дух превращаются в Тело и Кровь Господни, невозможно вообразить князя на этом «балкончике», поскольку это было бы неслыханным святотатством, которое вряд ли могло позволить религиозное сознание русского князя помимо всех его амбиций (вспомним его же молитвенные походы для поклонения ракам святых Бориса и Глеба в Вышгороде). Кажется, такое предстояние Св. Кириллу и своему духовному праобразу было возможно уже после литургии – в случаях потребности в особенной форме "собеседования" с небесным патроном. Таким моментом мог бы быть день ангела князя, который является днём почитания Св. Кирилла Александрийского, то есть 9 июня. В этот день отмечался также храмовый праздник. Экстраординарными могли быть случаи особенных молитв князя за успех в военных, политических, дипломатических акциях и молитв за телесное выздоровление" (*перевод с украинского*). *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 87.

сохранилась неплохо и позволяет убедиться, что в южной стене Георгиевской церкви никаких внутренних ходов нет и никогда не было.

В перечне воможных обьяснений функционального предназначения хода в стене диаконника Кирилловского храма наиболее логичной кажется версия американской исследовательницы Олэнки Пэвной. “I believe, – отмечает Пэвна, – it was used to house a relics associated with St. Cyril of Alexandria. Such an interpretation would be in keeping with the appearance of the unprecedented fresco life cycle of the saint which decorates the apse”[9]. Как архитектурную аналогию автор приводит уцелевший константинопольский храм 12 века, который большинство исследователей считает собором монастыря св. Феодосии, хотя существуют предположения, что это церковь бывшей обители Христа Эвергета (“Благодетеля”). Поскольку памятник окончательно не идентифицирован, в литературе сооружение чаще фигурирует под своим поздним османским названием Гюль-Джами (Gül Camii).

Действительно, яркой особенностью этого храма являются “комнаты неясного назначения в толще двух восточных столбов, расположенные на значительной высоте. Правда, северная замурована со всех сторон, а вот в южную ведет каменная лестница из девяти ступеней”[10]. Отметим, что в работах Олэнки Пэвной и Ирины Марголиной упомянута только одна комната – собственно в южном столбе. “В ней стоит покрытый зеленой материей саркофаг. Кто в нем покоится – неизвестно. Турки считают, что мусульманский святой Гюль-Баба, однако над входом на лестницу по-арабски написаны загадочные слова: «*Могила Апостола, ученика Иисуса — мир ему*»”[11].

Вряд чи Гюль-Бабу, дервиша и поэта, умершего в Буде в 1541 году, можно было назвать учеником Иисуса, скорее надпись золотыми буквами “Merked-i havariûn ashab-i Isâ aleihi üs-selâm”[12] касалась какого-то предыдущего погребения в этой камере. Ведь после завоевания турками Константинополя в 1453 году сооружение несколько десятилетий оставалось христианским храмом (возможно, не постоянно действующим) и только в 1490-м было переоборудовано в мечеть. Тяжело сказать, как именно его использовали в это время, что именно имел ввиду автор надписи, опирался ли вообще на какие-либо письменные источники или ограничился устными преданиями почитаемых им людей.

---

[9] “Я считаю, что он предназначался для размещения реликвий, связанных со св. Кириллом Александрийским. Такая интерпретация возможна с учетом беспрецедентного житийного фрескового цикла, декорирующего апсиду” (*перевод с английского*). *Pevny O. Z.* The Kyrylivs’ka tserkva: the appropriation of Byzantine art and architecture in Kiev: A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy / Institute of Fine Arts, New-York University, September, 1995. – P. 156.

[10] *Иванов С.* В поисках Константинополя: Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. – М., 2011. – С. 360-362.

[11] Там же. – С. 364.

[12] *Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur topographie Istanbuls. – Tübingen, 1977. – P. 142.

Единственное, что таким образом можно считать зафиксированным – определенную традицию использования комнаты (обеих комнат?) как места хранения святых останков и других предметов поклонения.

Существующие ныне гипотезы касательно того, чьи именно останки могли храниться в толще столбов Гюль-Джами, к сожалению, не опираются на документальные источники. Конечно, прежде всего приходит на ум сама Феодосия – известная святая 8-го века, чьи чудодейственные мощи оставались в патронированном ей монастыре до самого турецкого штурма Константинополя 1453 года и были обьектом массового паломничества. В своем "Сказании о святых местех иже суть в Цариграде на уверение и на спасение всемь человеком" паломник Антоний Новгородский в 1200 году свидетельствует: "А святыа Федосьа девица в женьском манастыри лежит"[13]. Хотя по свидетельству одной из хроник после захвата города османами все мощи и другие святыни были выброшены собакам[14], какая-то часть могла оставаться на месте и, лишенная первичного смыслового контекста, со временем получить импровизированное толкование в новом мусульманском контексте. Таким образом могла сохраниться и традиция использования внутристенных помещений для хранения святынь, включая останки святых особ.

Также "в османское время некоторые считали, что в Гюль–Джами похоронен последний император Константин XI"[15]. Впервые эту версию зафиксировал в 1852 году патриарх Константий, ссылаясь на древние предания, бытовавшие в среде греков стамбульского квартала Фанар[16]. Позже появилось интересное развитие сюжета: вроде бы тело обезглавленного Константина XI сперва было погребено в соборе Святых Апостолов, который в начале турецкой эпохи Константинополя стал духовным центром православной общины города – в противовес превращенному в мечеть храму Софии. Когда же очередь стать мечетью дошла и туда, верующие вынуждены были спасать от поругания свои святыни и переносили их в ещё относительно безопасные места. Вполне возможно, что так останки императора и попали в монастырь св. Феодосии, основав линию устных преданий, дошедшую, в конце концов, до патриарха Константия. Интересно, что связывают это погребение с камерой не в открытом ныне юго-восточном

---

[13] *Антоний Новгородский.* Описание святынь Константинополя / Предисл. и прим. А. М. Лидова // Реликвии в Византии и древней Руси. Письменные источники. – М., 2006. – С. 202.

[14] *van Millingen A., Traquair R., George W. S., Henderson A. E.* Byzantine Churches in Constantinople. Their History and Architecture. – London, 1912. – P. 169.

[15] *Иванов С.* В поисках Константинополя. – С. 364.

[16] *van Millingen A., Traquair R., George W. S., Henderson A. E.* Byzantine Churches in Constantinople. – P. 173.

столбе, а в недоступном сейчас северо-восточном. И продиктована эта недоступность может быть именно вышеописанными обстоятельствами[17].

Действительно, издание 1912 года свидетельствует: “In the thickness of each of the eastern dome piers, and at a short distance above the floor, is a small chamber. The chamber in the north-eastern pier is lighted by a small opening looking southwards, and was reached by a door in the east side of the passage leading from the bema to the north-eastern chapel. The door has been walled up, and the chamber is consequently inaccessible. The chamber in the south-eastern pier is lighted by a window looking northwards, and has a door in the east side of the passage from the bema to the south-eastern chapel”[18].

Именно в этом обстоятельстве почему-то видится кардинальное отличие внутристолбовых помещений Гюль-Джами и ступеней в алтарной стене Кирилловской церкви. Как отмечает Ирина Марголина, “хідник у ній (Гюль-Джами. – *И. Д.*) вмонтований у стіну, яка відокремлює дияконник від центральної апсиди, тобто в протилежну стосовно хідника в Кирилівській церкві стіну дияконника. Цей хідник безпосередньо примикає до престолу. Але найголовніше інше: хідник зовсім маленький, він не розрахований на зріст дорослої людини – на прибудову взагалі не можна було вийти, лише щось покласти. У Кирилівській церкві «балкончик» знаходиться на п’ятиметровій висоті, отже, людина могла піднятися по сходах нагору й вийти на прибудову”[19].

В этом возражении не учитывается то, что девять ступеней в толще юго-восточного столба Гюль-Джами (и, возможно, замурованный аналогичный подьем в толще северо-восточного) скорее всего не предназначались для выхода куда-то вовне, а имели единственную функциональную нагрузку – обеспечивать доступ в комнаты-реликварии. Потребность “что-то” оттуда периодически забирать и возвращать на место была функционально исчерпывающей. Корридор же со ступенями в толще стены диаконника Кирилловской церкви имел неизвестное нам продолжение в виде какой-то конструкции на

---

[17] Ibidem. – P. 175.

[18] “В толще каждого из восточных столбов на небольшой высоте над полом храма находится по небольшой комнате. Комната в северо-восточном столбе освещена небольшим отверстием, ориентированным на юг, туда можно было попасть через дверь в восточной стене прохода между вимой и северо-восточным алтарем. Теперь дверь замурована и комната недоступна. Комната в юго-восточном столбе освещена окном, ориентированным на север, и имеет дверь в восточной стене прохода между вимой и юго-восточным алтарем” (*перевод с английского*). Ibidem. – P. 170.

[19] “Проход в ней (*Гюль-Джами. – И. Д.*) вмонтирован в стену, отделяющую диаконник от центральной апсиды, то есть в противоположную относительно прохода в Кирилловской церкви стену диаконника. Этот проход непосредственно примыкает к престолу. Но самое главное другое: проход совсем маленький, он не рассчитан на рост взрослого человека – на пристройку вообще нельзя было выйти, только что-то положить. В Кирилловской церкви «балкончик» находится на пятиметровой высоте, следовательно, человек мог подняться по ступенях наверх и выйти на пристройку” (*перевод с украинского*). *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 82.

балке, перекрывавшей пространство нефа параллельно линии бывшей алтарной преграды. На упомянутой конструкции, подобно комнатам-реликвариям Гюль-Джами, можно было хранить, периодически (в определенные церковным календарем даты) спускать ступенями вниз для поклонения и крестных ходов и впоследствии возвращать на постоянное место какую-то святыню. Иными словами, кирилловский корридор является функциональным соответствием не самой комнаты в толще столба константинопольского храма, а тех девяти ступеней, которые к ней вели.

Анонимный паломник в 1390 году вспоминает довольно сложный и насыщенный культовый ритуал, связанный именно с мощами св. Феодосии в её обители: “А оттоле поити на восток к святои Феодосъи; есть манастырь святыи Феодосьи. Туто святаа Федосиа в теле лежит; подъимают ю во всякыи понеделник и в среду и в пяток, болным поставляют и исцеление от нея бывает”[20]. То есть, трижды в неделю мощи (раку с мощами) выносили из места постоянного хранения для общего доступа. Возможно, именно уже упоминаемыми ступенями из комнаты в одном из столбов. В остальное время святыня не была доступной верующим, хотя дистанционно молиться “у гроба” они могли всегда. Ведь “доступ к мощам мог быть как постоянным, так и временным. В греческой церкви мощи обычно хранились в алтаре и предлагались для поклонения народу лишь в день памяти святого и в храмовые праздники”[21].

И все же утверждать, что именно феодосиевский культ и его архитектурное оформление стали прототипами кирилловских соответствий хотя и соблазнительно, однако преждевременно, а может быть и безосновательно. Слишком мало сакральных сооружений сохранились от византийского и древнерусского времени, слишком ограничен фактаж для обобщений и уверенных выводов. С другой стороны, “Византия создавала для всего восточнохристианского мира базовые модели организации сакральных пространств, которые в разных странах адаптировались и трансформировались с учетом национальных особенностей и просто климатических условий”[22].

Кто знает, были ли комнаты в толще столбов храма св. Феодосии редкостным архитектурным приемом, или подобная традиция существовала в византийской архитектуре и настоящий прототип просто до нас не дошел. Во всяком случае, в

---

[20] Сказание о святых местех, о Костянтинеграде и о святых мощех спасшихся во Иерусалиме, а собраных Костянтином царемь в нарицаемыи Царьград // *Малето Е. И.* Антология хожений русских путешественников XII–XV века. – М., 2005. – С. 246-252.

[21] *Живов В*. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. – М., 1994. – С. 112.

[22] *Лидов А. М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. – М., 2006. – С. 26.

древнерусской практике саркофаги наиболее почитаемых особ, включая канонизированных, обычно не скрывали в толще стен, а ставили открыто или полуоткрыто − в нишах-аркосолиях в западной части храма. Последняя архитектурная форма имела глубоко символическое значение и воспринималась как реплика Гроба Господня[23]. Однако расположение раки с мощами или другой святыни над диаконником или даже в толще алтарного столба также не противоречило церковной практике – в обоих случаях святыня оставалась “в алтаре”, то есть в особеной сакральной зоне церкви.

Поскольку внутристенные ступени, по нашему предположению, и в Феодосиевском, и в Кирилловском храмах выполняли лишь техническую функцию, они не должны были занимать лишнее пространство в южной апсиде. Ведь и без того “главное внимание зодчие уделили решению пространства наоса и алтарной апсиды. Максимально раздвинув подкупольные столбы, они сделали центральный неф шире боковых более чем в два раза”[24]. То есть любые дополнительные конструкции (лестницы, пандусы) перекрывали бы росписи и так искусственно суженного пространства, чем нарушали бы целостность восприятия образа храма. Логично, что строители спрятали их подальше с глаз и сделали это, опираясь на существующие традиции церковного зодчества.

Гюль-Джами не принадлежит к самым сложным византийским храмам, однако конструктивно это несколько более сложное сооружение, чем Кирилловская церковь. Уже в начале 12 века на Руси “торжественные и пышные многоглавые композиции отошли в прошлое. Их заменили лаконичные, уравновешенные памятники, увенчанные единой массивной главой. Старая крестовокупольная система сводов сохранилась, но основным типом становятся трехнефные храмы без промежуточных аркад между столбами и хорами, расположенными лишь в западном членении. Стремление к простому и компактному объему привело к отказу от лестничных башен и замене их узкими лестницами в толще стены”[25]. Собственно, всю древнерусскую архитектуру “можно охарактеризовать как мистическую по духу, но княжескую по масштабам, монументальности и столичным интенциям. Все это накладывается на постепенное упрощение когда-то почти одномоментно заимствованного архитектурного лексикона”[26].

На плане хорошо видно, что все четыре столба храма св. Феодосии непропорционально “раздуты” и значительно толще внешних стен сооружения. Зодчий, очевидно, по воле заказчика пошел на нестандартный ход и создал в алтарной части

---

[23] *Самойлова Т. Е.* Священное пространство княжеского гроба // Там же. – С. 584.

[24] *Иоаннисян О. М.* Зодчество первой половины – середины XII века // История русского искусства. – М., 2015. – Т. 2. – Ч. 1: Искусство 20–60-х годов XII века. – С. 71.

[25] *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. – Л., 1986. – С. 49-50.

[26] *Седов В. В.* Сакральное пространство древнерусского храма: архитектурный аспект // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии … – С. 570.

оригинальную внутристолбовую конструкцию, прямые аналоги которой, как уже отмечалось, среди сохранившихся византийских церквей не зафиксированы. В свою очередь создатель Кирилловского храма возвел достаточно типичное для своего времени сооружение. Планы Кирилловской на Дорогожичах, Георгиевской в Каневе, Успенской Елецкой в Чернигове или Успенской же во Владимире-Волынском церквей легко спутать – все элементы типовые и "уравновешенные". Тут нет особенных неожиданностей, соответственно и подъём наверх, пусть в необычном месте, проще всего было реализовать в виде простых и надежных, многократно проверенных практикой внутристенных "ступеней на хоры". Такие подъёмы похожи как близнецы – разница только в длине и пространственной ориентации; вот один из "близнецов" и был оборудован в стене диаконника Кирилловской церкви. Ещё Константин Шероцкий отметил, что ступени в алтарной части это "такой же узкий проход", как и "проход на хоры"[27].

Мы не знаем наверняка и, вероятно, никогда не узнаем, какая именно святыня хранилась в южном приделе Кирилловской церкви. Однако гипотеза Олэнки Пэвной, что это "что-то" имело отношение к культу св. Кирилла Александрийского, выглядит очень привлекательно. Действительно, сохранившаяся оригинальная стенопись южной апсиды, созданная сразу же после возведения храма в 12 веке, – это беспрецедентный монументальный житийный цикл Кирилла и Афанасия Александрийских при участии различных сопутствующих персонажей. В пяти регистрах расположились 14 (первоначально 16) живописных сюжетов, окантованных охряными рамами с белыми краями. По наблюдению Ирины Марголиной, "іконографічний цикл південної апсиди не має аналогів, і невідомо, чи були якісь зразки у майстрів, а отже, якщо вони творили самостійно, то розшифровка їхнього задуму (як будь-якої нестандартної речі) є вельми складною, а надто через ледь не сімсот років потому"[28].

Этот "мемориальный музей" не случайно размещён именно в южной апсиде, то есть в том алтарном компартименте, который связан с традиционным месторасположением в алтарной преграде (впоследствии – иконостасе) местной храмовой иконы, в свою очередь, символизирующей посвящение всей церкви. Упомянутое посвящение в храме на Дорогожичах непрямо подтверждается двумя уверенно

---

[27] *Шероцкий К. В.* Киев: Путеводитель. – С. 222.

[28] "Иконографический цикл южной апсиды не имеет аналогов, и неизвестно, были ли какие-то образцы у мастеров, а следовательно, если они творили самостоятельно, то расшифровка ихнего задума (как любой нестандартной вещи) весьма сложна, особенно едва ли не семьсот лет спустя" (*перевод с украинского*). *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 121.

прочитанными обращениями-граффити к св. Кириллу, зафиксированными именно на южной стене южной апсиды[29].

В целом, кирилловский диаконник – настоящая “церковь в церкви”, где стройная живописная вертикаль житийных сюжетов динамично заполняет узкое вогнутое пространство апсиды и создает эффект объёмности, отдельного целостного, содержательно насыщенного пространства. Гипотетический “балкон”, где могла храниться неизвестная нам святыня и куда ведут ступени в толще южной стены, логично замыкает сакральное пространство южного алтаря, является его смысловой вершиной, чем придаёт всей композици завершенность. Поскольку высота классического византийского, а за ним и древнерусского, темплона (самого высокого горизонтального габарита преграды) не превышала 3 м 50 см[30], “балкон”, установленный на высоте 4 м 90 см, превышал преграду приблизительно на высоту человеческого роста. “Что-то”, размещавшееся на такой высоте (и, очевидно, увеличивавшее ее за счет собственных, неизвестных нам размеров), выглядело, как своеобразный “замковый камень” сложной конструкции, включавшей в себя весь обьем южного алтаря, то есть т. н. “пространственной иконы” – комплексного трёхмерного художественного обьекта, религиозный смысл которого не сводился ни к одной из составляющих[31].

Такой приём очевидно перекликается с традицией “помещения иконописных изображений святых на византийские темплоны, а также включения регистров с изображением святителей в роспись алтарных апсид древнерусских домонгольских храмов, фресковые циклы которых стали одним из важнейших источников формирования живописной программы иконостаса”[32]. В этом ключе наиболее логичным элементом конструкции выступала бы икона (возможно, чудотворная) св. Кирилла Александрийского – или индивидуальная, или парная со св. Афанасием (с учетом сюжетного ряда стенописи апсиды). Легко представить, как во время службы на, скажем, храмовый праздник священники или/и дьяконы торжественно поднимаются внутристенными ступенями из южного алтаря на “балкон”, на глазах верующих снимают с креплений храмовую икону, сносят её тем же путем вниз и начинают крестный ход. Несложно определить и минимально обязательные даты такой церемонии: память св. Кирилла отмечается

---

[29] *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI–XVII вв. – К., 1985. – С. 97, 99.

[30] *Сарабьянов В. Д.* Новгородская алтарная преграда домонгольского времени. – С. 325–326; *Чукова Т. А.* Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. – СПб., 2004. – С. 37.

[31] *Лидов А. М.* Пространственные иконы. Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии... – С. 325.

[32] *Чукова Т. А.* Алтарь древнерусского храма… – С. 40.

православными дважды – индивидуально 9 (22) июня и в паре со св. Афанасием 18 (31) января[33].

Менее вероятным, но также приемлимым мы считаем вариант размещения на “балконе” некой мемориальной святыни, связанной (в действительности или легендарно) со св. Кириллом Александрийским персонально. Легче всего в эту гипотезу вписываются мощи, ведь “early Christian hagiographical cycles are frequently related to the martyrium of the represented saint. Although the factor that determined the selection and depiction of hagiographical cycles in Byzantine churches vary from monument to monument, usually they can be associated with the presence of the saint’s relics”[34].

Собственно, любой храм в определенном понимании является мартирием, ведь обязанность закладывать мощи святых под алтарём была утверждена еще поместным Карфагенским собором 419 года (правило 10: “ Если какой-нибудь пресвитер, от своего епископа осужденный, вознесшись надмением неким и гордостью, должным быть возмнит отдельно приносить Богу Святые Дары или умыслит воздвигнуть иной Алтарь, вопреки церковной вере и уставу, – таковой да не будет оставлен без наказания”[35]). Окончательно же запретил строить церкви без заложения мощей VII Вселенский (II Никейский) собор 787 года (правило 7: “аще которые честные храмы освящены без святых мощей мученических, определяем: да будет совершено в них положение мощей с обычною молитвою. Аще же отныне обрящется некий епископ, освящающий храм без святых мощей: да будет извержен, яко преступивший церковные предания”[36]).

То есть уже с 5-го века разница между обычным христианским святилищем и храмом-мартирием вокруг святых останков целеустремленно нивелировалась в пользу последнего. Однако в реальной жизни мартирии (как отдельные специализированные сооружения, так и специализированные части храмовых сооружений) существовали и были довольно распространенными. Скажем, эту роль выполняет трансепт собора св. Петра в Риме, самым же знаменитым мартирем является, безусловно, ротонда храма Гроба Господнего в Иерусалиме[37].

---

[33] *Флоровский Г. В.* Восточные отцы V–VIII века: (Из чтений в Православном Богословском институте в Париже). – Париж, 1931. – Раздел: Святой Кирилл Александрийский. – I: Житие. – Ч. 2. – Режим доступа: http://www.sedmitza.ru/lib/text/538178/ [4 апреля 2018].

[34] “Раннехристианские агиографические циклы нередко связаны с мартирием репрезентованного святого. Хотя факторы, определявшие отбор и изображения агиографических циклов в византийских церквях, разнятся от памятника к памятнику, обычно они связывались с присутствием мощей святого” (*перевод с английского*). *Pevny O. Z.* The Kyrylivs’ka tserkva… – P. 288.

[35] Книга правил святих апостолів, Вселенських і Помісних Соборів і святих Отців. – К., 2008. – 368 с. – Режим доступу: https://parafia.org.ua/biblioteka/svyatoottsivski-tvory/knyha-pravyl-svyatyh-apostoliv-vselenskyh-i-pomisnyh-soboriv-i-svyatyh-ottsiv/#toc-----6 [4 апреля 2018].

[36] Там само.

[37] The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by Alexander P. Kazhdan. – Oxford, 1991. – P. 1308-1309.

Ярким примером храма-мартирия на Руси была церковь в Вышгороде, куда в 1072 году с большой торжественностью перенесли тела первых древнерусских святых – князей-страстотерпцев Бориса и Глеба[38]. Другой известный древнерусский мартирий, сохранившийся и функционирующий по сей день – подземный комплекс Киево-Печерской лавры.

Нет сомнений, что таких примеров было намного больше, скажем, можно предположить, что часть пристроек, сопровождавших основной обьем практически кождого большого древнерусского храма (включая Кирилловскую церковь), также были мартириями. Собственно, и отдельные компартименты в церковных сооружениях могли специализироваться аналогичным образом. Ведь “в рамках одного «большого пространства» могли сосуществовать несколько разновременных иеротопических проектов. … Сознательно спроектированные микропространства активизировались в определенные моменты богослужений, становясь своего рода временными солистами в грандиозном пространственном хоре”[39].

Пространственная обособленность мартирия имеет и практическую богослужебную мотивацию, ведь значительная часть служб с привлечением святых реликвий была непосредственно связана с местом их постоянного хранения и образовывала устойчивые местные ритуальные церемониалы. Такая традиция была перенесена и воспринята Русью из Византии[40]. В то же время “в большинстве случаев создание особых служб отражало церковнополитическую и идеологическую линию императора, местного правителя, игумена монастыря”[41].

Останков (а в особенности фрагментов останков) одних и тех же канонизированных особ в древности могло быть много, причем как через сознательную фальсификацию, так и ввиду отсутствия механизма хоть сколько-нибудь обьективной их идентификации. Вещий сон, видение или туманое, пересказанное через третьих лиц, пророчество могли основать традицию сакрального почитания каких угодно предметов.

Сегодня считается, что мощи св. Кирилла Александрийского хранятся в музейном собрании Резиденции в Мюнхене, куда попали не позже 15-17 века из церкви Девы Марии

---

[38] Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – 2-е изд. – СПб., 1908. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – Стб. 171п. – С. 120.

[39] *Лидов А. М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества… – С. 20.

[40] Реликвии в византийских чинопоследованиях / Сост., пер. и комм. *М. Желтова* // Реликвии в Византии и древней Руси. – С. 68.

[41] Реликвии в византийской гимнографии / Сост., пер. с греч. и комм. *А. Ю. Никифоровой* // Там само. – С. 113.

на Марсовом Поле (Santa Maria della Concezione in Campo Marzio) в Риме[42]. Обстоятельства их попадания из Египта ни в Рим, ни в Мюнхен до сих пор не выяснены. Известно лишь, что названный римский храм ведёт свою историю от церкви, основанной монахами-беженцами из константинопольского монастыря св. Анастасии в период иконоборчества.

Скажем, хорошо известно, что великий князь Владимир Святославич перевёз из Корсуня (Херсонеса) в Киев голову св. Климента Римского. Последнее древнерусское летописное упоминание о ней датировано 1147 годом (“глава оу насъ есть ст҃го Климента”[43]). А во время “латинской оккупации” Константинополя в начале 13-го века эта же реликвия всплывает в константинопольском монастыре Богородицы Перивлепты (“Захватывающей”):

“Рыцарь Далмаций де Сержи похитил ее, причем сам весьма живо описал это воровство. Он предварительно разузнал у французского священника, какие в Городе есть мощи поценнее, и тот указал на св. Климента, предупредив, однако, что покупать святые реликвии не полагается. По обычаям эпохи, их полагалось красть, и это называлось furtum sacrum, «священное воровство»… На Вербное воскресенье 1206 г. рыцарь в компании цистерцианского монаха прибыл в Перивлепту и попросился взглянуть на реликвии. Пока один гость отвлекал смотрителя беседой, другой стибрил ларец с головой; когда оба вышли, оказалось, что в ларце почему-то два черепа. Сомневаясь, ту ли голову он украл, рыцарь, переодевшись до неузнаваемости, снова явился в Перивлепту и стал просить показать ему св. Климента; только когда монахи удрученно сообщили, что реликвия украдена, он успокоился и отплыл с нею во Францию”[44]. Так какая из названных голов настоящая и где она теперь?

Даже лаконичные летописные сообщения фиксируют десятки случаев перевозки на Русь останков святых и связанных с ними священных предметов[45]. Аналогично, какая-то из версий мощей св. Кирилла могла оказаться в Киеве на Дорогожичах.

Заметим, что физические параметры внутристенного хода в южном алтаре (около 4 м в длину, 65 см в ширину) и его конфигурация (поворот под прямым углом на верхней площадке перед “балконом”) могли бы препятствовать свободному перемещению обычного полноразмерного гроба. Однако рака (контейнер для хранения святых останков)

---

[42] *Холодюк А.* Мюнхен. В поисках мощей святых бессребреников Кира и Иоанна (Записки прихожанина). – Богослов.Ru. Научный богословский портал. – Режим доступа: http://www.bogoslov.ru/text/1470136.html [4 апреля 2018].

[43] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 341. – С. 237.

[44] *Иванов С.* В поисках Константинополя. – С. 396.

[45] Реликвии по известиям русских летописей XI–XVII веков / Сост. и комм. М. А. Маханько, Е. М. Саенковой // Реликвии в Византии и древней Руси. – С. 317-462.

не имеет определённых канонических размеров и формы. Ценность мощей полностью определяется их сакральным значением и принципиально не связана с анатомической комплектностью или положением тела. Антоний Новгородский рядом с останками святых “в теле акы жив” упоминает “кров и молоко Пантелеймона святаго во единой вите и не смятешесь, главу его, главу Кондратову апостола и иных святых мощи и главу святаго Ермола и Стратоника и Гермонову руку, ею же ставятся патриарси”[46], “церковь святаго Прокофьа, и ту лоб его”[47], “верх главы Григориа и рука святаго мученика Прокофьа и иных святых мощи”[48], “голова Фомина и нога цела и лоб святаго Фомы апостола”[49] и еще немало телесных фрагментов. Соответственно, реликварии для их хранения также не обязательно должны были быть крупноразмерными.

Рака могла изготовляться специально для конкретной святыни или иметь случайное происхождение и приобрести самостоятельное сакральное значение (а следовательно, и материальную самоценность) уже в процессе поклонения мощам. По одной из гипотез, такую судьбу имел мраморный раннехристианский саркофаг, доставленный в Киев Владимиром Святославичем как импровизированная рака для головы св. Климента Римского[50] и в котором впоследствии погребли Ярослава “Мудрого”.

В конце концов, священными реликвиями могли выступать не только мощи, но и бытовые предметы, связанные с жизнью святого. Так, по свидетельству уже неоднократно цитированного Антония Новгородского, в константинопольском храме Святых Апостолов “порты апосторльскии во олтари над тряпезою во гробе лежат”[51], а неподалеку “святаго Павла исповедника дом, и ту его мощи под тряпезою и амофор и патриархиль целуют”[52]. Уже на Руси в Дмитриевский собор города Владимира князем Всеволодом Юрьевичем “Большое Гнездо” (в крещении Димитрий) в 1197 году “принесена дска ис Селуня гробнаѣ ста Дмитриѣ”[53]. То есть прецеденты такие были и вполне могли повториться в киевской Кирилловской церкви.

2. Южный придел Киево-Кирилловской церкви как целостное поминальное пространство в сакральной структуре храма

[46] *Антоний Новгородский*. Описание святынь Константинополя. – С. 199.
[47] Там же. – С. 202.
[48] Там же. – С. 203.
[49] Там же. – С. 204.
[50] *Пуцко В. Г.* Приделы Кирилловской церкви в Киеве // Народной музей. – С. 235-255.
[51] *Антоний Новгородский.* Описание святынь Константинополя. – С. 203.
[52] Там же. – С. 202.
[53] ПСРЛ. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – Л., 1927. – Стб. 414.

На южную апсиду и, соответственно, тот самый “балкон” с загадочным сакральным обьектом пространственно ориентированы ещё два важных элемента Кирилловской церкви. В южной части хоров розмещена т. н. “княжеская молельня” – компактная комната с большим аркообразным окном на север – в сторону центральной части храма. “Молельня”/часовня находится в самом отдаленном от подьема на хоры компартименте, к тому же сдвинута относительно основной площади хоров в сторону диаконника (т. е. на восток)[54]. Архитектор сделал всё для оформления обособленности этого помещения, подчеркнутой отделённости его от общего пространства, что в контексте общемонастырского храма вообще-то выглядит странно.

Конструктивно похожая капелла обозначена на плане-реконструкции Кирилловского храма XII столетия, составленном Николаем Холостенко: она локализирована в юго-западном углу первого яруса (т. е. сдвинута на один компартимент на запад относительно часовни второго яруса) и включает в себя сразу три из четырёх аркосолиев сооружения. Вероятно, это помещение было одновременно княжеским склепом и поминальной часовней[55]. Обе часовни на первом и втором ярусах Кирилловской церкви первично имели собственные небольшие апсидки (верхняя сохранилась, нижняя исчезла вместе с растёсанной восточной стеной часовни[56]), ориентированные в сторону южного алтаря с его “балконом”. Подобной концентрации сакрально-акцентированных элементов на противоположной, северной стороне сооружения нет, там только один аркосолий и вход на хоры.

На наш взгляд, можно пытаться говорить о сакральной пространственной связи обеих южных часовен с южной апсидой в поле единого придела. Общая молитвенная ориентаця на восток неминуемо обьединяет их в единую композицию, наполненную пока не совсем понятным нам содержанием, где и “балкон”, и сакральный обьект на нём играли центральные роли.

Чтобы попробовать уяснить это содержание, стоит отметить, что в древности понятия “диаконник” (место хранения богослужебных атрибутов и священнических облачений) и “южный алтарь” не были синонимами: “апсидные помещения по бокам алтарной части, предварительно идентифицированные как жертвенник и диаконник,

---

[54] *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 88.

[55] *Холостенко Н. В.* Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве // Памятники культуры. Исследования и реставрация. – М., 1960. – Вып. 2. – Рис. 5. *Реутов А. В.* О назначении так называемых “крещален” в древнерусских храмах // Лаврський альманах. – К., 2003. – Вип. 9. – С. 103, 105.

[56] Эта апсидка присутствует на плане-реконструкции Николая Холостенко и просматривается de visu на археологическом зондаже в храме: *Холостенко Н. В.* Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве // Памятники культуры. Исследования и реставрация. – Рис. 5.

могли иметь другое назначение”[57]. То есть и в нашем случае помещение южного алтаря могло быть первично запрограмировано на несколько необычные для сегодняшней практики функции.

“Термин диаконник, в применении к помещению, которое находится к югу от главной апсиды, условно. Изначальные функции этого помещения, вероятно, совершение заупокойных богослужений (отсюда происходит его славянское название кутейник, т. е. помещение, куда вносилась кутья)”[58]. Ведь “в древнерусских источниках в отличие от византийских южная апсида не носит названия диаконника до XVI–XVII вв., когда началась унификация литургической терминологии по греческому образцу... До XVI в. включительно южная апсида обычно именовалась кутейником − из-за связи этого пространства в древнерусской традиции с заупокойным богослужением”[59].

Эта специализированная поминальная функция южного алтаря подчеркивалась и конструктивно. Собственно, изначально алтарные преграды древнерусских храмов отделяли лишь центральный алтарь, боковые же оставались открытыми[60]. С первой половины XII столетия начали распространяться преграды, перекрывающие и боковые алтари, но и потом “во многих русских храмах алтарной преградой была закрыта только центральная апсида, тогда как в открытой для входа мирян южной апсиде располагался стол для приношения кутьи и иных пожертвований (свечей, просфор, различных съестных) и записок для заупокойного поминовения на литургии; возможно, здесь же совершались и собственно заупокойные последования”[61]. Если южная апсида Кирилловской церкви также была открытой для мирян, внутристенным ходом мог пользоваться не только клир, но и каждый, кого клир допускал к установленной на “балконе” святыне (допустим, приложиться к чудотворной иконе).

Если эта последовательность предположений справедлива, мы имеем дело с чётко выделенным и нарочито демонстрированным в структуре храма поминальным культом, который должен был иметь прямую связь и с общим посвящением всей церкви, и с персоналией князя, чьим небесным покровителем (при посредничестве предполагаемой “патрональной” святыни на “балконе”) выступал св. Кирилл Александрийский, и с княжеской династией, чьи умершие представители лежали в ориентированной на “кутейник” часовне первого яруса, а живые молились в южной часовне яруса второго. И

---

[57] *Варалис Я.* Жертвенник и диаконник. О первоначальном замысле дополнительных пространств византийского алтаря // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии … – С. 293.

[58] Дьяконник // Официальный сайт Русской Православной Церкви. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/140981.html [4 апреля 2018].

[59] *Гайдуков Н. Е.* Диаконник // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [электр. версия]. – Режим доступа: http://www.pravenc.ru/text/171917.html [4 апреля 2018].

[60] *Чукова Т. А.* Алтарь древнерусского храма… – С. 36.

[61] *Гайдуков Н. Е.* Диаконник.

эта самая последовательность выводит нас на проблему датирования Кирилловской церкви на Дорогожичах.

3. Персоналии возможных фундаторов Киево-Кирилловской церкви в письменных источниках

Даже несравненно лучше освещённые в летописных источниках домонгольские храмы, как та же София Киевская, с будто бы четко декларированной датой основания и персоналией фундатора, вызывают оживлённые научные дискуссии. Обусловлено это в первую очередь особенностью источниковой базы древнерусской истории, в частности письменной ее части. Как удачно заметил ведущий украинский медиевист Алексей Толочко, “несмотря на обилие летописных списков, ранняя история Руси крайне слабо документирована. По сравнению с синхронной западноевропейской историей – просто удручающе слабо. Можно, конечно, спорить, естественное ли это состояние или следствие прискорбных случайностей. Была ли Русь изначально плохо документирована или же представляла собой богатую и разнообразную культуру, чьи источники впоследствии погибли. Кажется, предпочтение всегда отдавали второй возможности (хотя реалистичнее было бы не обольщаться). Однако сама вероятность альтернативного вердикта всегда делала ситуацию психологически дискомфортной для историков. Так или иначе, отчаянная скудость источников – обстоятельство непреодолимое, и устранить его уже не суждено”[62].

Это замечание касается и ситуации с Кирилловской церковью. Храм летописцами упоминается крайне нечасто и преимущественно как сопутствующий географический ориентир (“В лѣто [6679 (1171)] снѧшасѧ братьꙗ Вышегородѣ и пришедше сташа на Дорогожичи под сто҃мъ Курилом”[63]).

Об основателе сооружения идёт речь в двух сообщениях-некрологах, и всякий раз в этой роли выступает другой человек. Так, под 1179 годом говорится: “Того же лѣта престависѧ кнѧгини Всеволожаꙗ приємьши на сѧ чернечкоую скимоу и положена бысть в Києвѣ оу сто҃го Кюрила, юже бѣ сама создала”[64]. Эта информация присутствует только в Ипатьевской летописи, в других древних списках её нет.

Та же Ипатьевская летопись сообщает, что в июле 1194 года на Дорогожичах умер великий киевский князь Святослав Всеволодович (сын Всеволода Ольговича и его только

---

[62] *Толочко А. П.* “История Российская” Василия Татищева: Источники и известия. – М.; К., 2005. – С. 18.

[63] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 544. – С. 373.

[64] Там само. – Стб. 612. – С. 420.

что упомянутой супруги), которого тогда же “положиша и во стм҃ь Кюрилѣ во отнѣ емоу манастъıрѣ”[65]. Последнее сообщение дублирует Лаврентьевская летопись в несколько измененной редакции (“престависѧ кнѧзь Кыевьскыи Ст҃олавъ и положенъ бысть въ манастыри въ ц҃ркви ст҃го Кирила, юже бѣ создалъ ѿцъ ѥго”)[66].

К сожалению, крайне лаконичные летописные тексты до сих пор остаются единственными хоть сколь-нибудь приемлемыми источниками, на которых базируются гипотезы о времени основания храма. В археологическом и эпиграфическом отношении Кирилловская церковь изучена недостаточно: выявленные тут древнерусские граффити пока не содержали ни дат, ни уверенных привязок к известным историческим личностям, такие привязки базируются преимущественно на палеографических особенностях надписей, что позволяет приблизительно датировать их в пределах целых десятилетий[67]. А возведение такого сравнительно несложного монументального сооружения, как Кирилловский храм, усилиями профессиональной строительной артели могло длиться всего несколько лет[68].

В современной историографии самой распространенной является версия, пытающаяся примирить оба летописных сообщения и так или иначе признающая княжескую чету софундаторами. Одним из первых ее сформулировал киевский историк Николай Закревский (правда, вместо жены князя “назначив” продолжательницей строительства другую представительницу рода)[69]. Со временем идея совершенствовалась, приобретала новые подробности и уже в монографии “Стародавній Київ”, законченной в 1941 году, но, волей исторических обстоятельств, напечатанной в 2003-м, археолог Иван Иванцов формулирует ее так: “Церкву заклав Всеволод II з чернігівських Ольговичів у пам’ять про свої перемоги 1140 р. над киянами і захоплення великокнязівського столу. Рік заснування церкви невідомий, та оскільки Всеволод помер 1146 р., то церква закладена не пізніше. Всеволод не встиг її закінчити, а закінчувала його дружина Марія, дочка Мстислава Мономаховича”[70]. Такого же мнения (с отдельными вариациями)

---

[65] Там само. – Стб. 680. – С. 466.

[66] ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 412.

[67] *Марголіна І., Корнієнко В.* Датування київської Кирилівської церкви у світлі сучасних досліджень її монументального живопису та графіті // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна: Збірник наукових праць, присвячений 150-літтю з дня народження Дмитра Власовича Айналова (1862–1939 рр.). – К., 2012. – С. 257-275.

[68] *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 46.

[69] *Закревский Н.* Описание Киева. – М., 1868. – Т. I. – С. 339; *Похилевич Л.* Монастыри и церкви г. Киева. Прежнее и нынешнее состояние и средства содержания причтов, а также иноверческие молитвенные дома // Краєзнавчі праці. – Біла Церква, 2007. – С. 276.

[70] “Церковь заложил Всеволод II из черниговских Ольговичей в память о своих победах 1140 года над киявлянами и захвате великокняжеского стола. Год основания церкви неизвестен, но поскольку Всеволод умер в 1146 году, церковь заложена не позже. Всеволод не успел ее закончить, а заканчивала его жена

придерживается и большинство других исследователей, включая наибольшего сегодня знатока истории храма Ирину Марголину[71].

На наш взгляд, стоит внимательней присмотреться к обоим летописным сообщениям, ведь их информативность и форма подачи существенно отличаются. Ипатьевская летопись несравнимо полнее рассказывает о событиях середины XII века, что, по одной из версий, обусловлено заимствованиями из неизвестного нам и несохраненного летописного источника[72]. Сюжет о смерти Святослава Всеволодовича наполнен массой подробностей: поездка в Вышгород, описание прикладывания к ракам князей-мучеников Бориса и Глеба, невозможность посетить погребение отца из-за отсутствия ключа от склепа, возвращение в Киев, новая поездка в Вышгород, внезапный приступ болезни и остановка в Кирилловском монастыре, разнообразные предсмертные обстоятельства, и уже в завершении стоит сообщение о погребении "во отнѣ емоу манастырѣ"[73]. Этот развёрнутый рассказ занимает почти весь обьем статьи о событиях 1194 года. В свою очередь, Лаврентьевская летопись не собщает почти ничего, вся её информация о смерти князя Святослава ограничивается одной короткой фразой, к тому же ошибочно поставленной последним пунктом в перечень событий следующего 1195 года.[74].

При таком разительном отличии, не имея обьективной возможности как-либо верифицировать эти тексты, приходится признать, что сообщения Ипатьевской летописи вызывают больше доверия и его формулировки, очевидно, точнее отвечают протографу. Если наша догадка верна, то и выражение "во отнѣ емоу манастырѣ" должно быть аутентичней, а выражение летописи Лаврентьевской "въ манастыри въ цр҃кви ст҃го Кирила, юже бѣ создалъ о҃цъ є҃го" больше похоже на результат позднейшего импровизационного редактирования. Наконец, древнерусское прилагательное "отьнь" ("отчий", "отцовский"[75]) может трактоваться неоднозначно: как в конкретно-собственнической форме "принадлежащий отцу", так и в более общей "относящийся к отцу"[76].

Если наше предположение о принципиальном поминальном характере Кирилловской церкви (а, следовательно, и окружающего её монастыря) отвечает действительности, название "отний" (для Святослава Всеволодовича) или "Всеволож"

Мария, дочь Мстислава Мономаховича" *(перевод с украинского)*. *Іванцов І.* Стародавній Київ. – К., 2003. – С. 258.

[71] *Мовчан І.* Давньокиївська околиця. – К., 1993. – С. 115–116; *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 46.

[72] *Рыбаков Б.* Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". – М., 1972. – С. 499-510.

[73] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 680. – С. 466.

[74] ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 412.

[75] Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1987. – Вып. 13. – С. 281.

[76] Словарь древнерусского языка (XI–XVII вв.). – М., 2000. – Т. VI: "овадъ"–"покласти". – С. 307-308.

(для остального населения) могло обозначать не то, что этот архитектурный комплекс основал или полностью создал Всеволод Ольгович, а то, что Кирилловские храм и обитель поставлены на Дорогожичах в память об этом историческом персонаже. Тогда не вызывет вопросов и сообщение (опять-таки Ипатьевской летописи) о фундаторской роли вдовы умершего, которая действительно все тут “сама создала”. Включительно с тематическим южным алтарем-кутейником и загадочной святыней на его “балконе”.

Собственно, версия, отдающая предпочтение сообщениям Ипатьевской летописи, не нова и имеет в историографии своих сторонников[77]. В частности, Юрий Асеев, хоть и относит основание Кирилловской обители к заслугам лично Всеволода Ольговича, относительно каменного в ней храма выразился недвусмысленно: “После смерти Всеволода в 1146 г. его вдова княгиня Мария Мстиславовна, сестра правящего тогда в Киеве князя Изяслава Мстиславича, построила в память о своем муже в монастыре Кирилловскую церковь”[78].

В таком случае единственным известным монументальным храмовым сооружением, заложенным лично Всеволодом Ольговичем, остаётся Георгиевская церковь в Каневе. Об этом хотя и коротко, но вполне чётко сообщают и Ипатьевская, и Лаврентьевская летописи. Впрочем и тут Ипатьевская немножко информативней: “в то же лѣто [6652 (1144)] заложена бысть црк҃ъı Канѣвьскаѧ ст҃го Геѡргиѧ Всеволодомъ кн҃земъ месяца июня въ ѳ҃ дн҃ь”[79], а Лаврентьевская посвящение храма не конкретизирует вообще[80].

Это заложение состоялось спустя пять лет пребывания князя на киевском столе. Его правление было наполнено интригами, военными походами и проходило в русле постоянного соперничества с династией Мономаховичей. Строительство Всеволодом своего первого каменного храма при этих обстоятельствах не могло не воплощать конкретных символических мессиджей, предназначенных и оппонентам, и обществу. Выбор Канева также не случаен – город был не только опорным пунктом обороны южных киеворусских рубежей, но и географически (и опять-таки символически) противостоял Переяславу, традиционному оплоту соперников Ольговичей в борьбе за великокняжеский стол. Можно допустить, что таким демонстративным шагом князь Всеволод стремился

---

[77] *Максимович М. А.* О создании Киевской церкви св. Кирилла // *Максимович М. А.* Собрание сочинений: В 3 т. – К., 1877. – Т. II: Отделы историко-топографический, археологический и этнографический. – С. 161-171; *Слюсарев Д. Н.* Церкви и монастыри, построенные в Киеве князьями, начиная с сыновей Ярослава до прекращения киевского великокняжения. – К., 1892. – С. 43-49; *Петров Н. И.* Историко-топографические очерки древнего Киева. – К., 1897. – С. 40.

[78] *Асеев Ю.* Архитектура древнего Киева. – К., 1982. – С. 122.

[79] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 317. – С. 221.

[80] ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 312.

подчеркнуть окончательный статусный переход своей региональной династии на высший властный уровень.

Давно подмеченная стилистическая схожесть между Георгиевской и Кирилловской церквями не только не противоречит такому выводу, но и даёт определённые варианты для его уточнения. Олег Иоаннисян отмечает, что "черниговская стилистика … в Георгиевской церкви в Каневе … уже господствует безраздельно как в строительно-технических особенностях, так и в архитектурном облике здания в целом"[81]. Для Иоаннисяна каневский храм по крайней мере заложен, а то и полностью построен после киевского, отсюда и слово "уже" в этой цитате.

Поскольку уверенных историко-архитектурных аргументов в пользу такой последовательности не приводится, можно безболезненно поменять сооружения местами и практически ничего в их характеристиках не изменится: они, как и раньше, репрезентуют черниговскую линию древнерусского храмового зодчества, где "сплав форм и особенностей древнерусской, византийской и романской традиций … настолько органичен, что следует предположить, что романские элементы проникли туда из среды, где такое сочетание не могло быть случайным и где мастера были хорошо знакомы как с традициями восточнохристианского зодчества, так и с приемами романской архитектуры"[82].

По выводу исследователя, "Георгиевская церковь в Каневе и Кирилловская церковь в Киеве весьма наглядно показывают, что в 1140-х гг. традиции черниговского зодчества прочно укоренились в архитектуре Киева и Киевской земли и воспринимались здесь уже как свои собственные"[83]. Вот только, если возведение каневской церкви, по логике уже нашей версии, велось зодчими за наработанным еще в Чернигове "эталонным образцом монастырского храма", то киевская церковь, сооруженная позже, в других исторических условиях, для другого заказчика и с другой целью, возводилась несколько иначе, с подчеркнутыми чертами "репрезентативной княжеской постройки"[84], хотя мастера могли оставаться теми же. На Дорогожичах наблюдается ряд архитектурных новаций, ни в черниговских, ни в каневском сооружениях не зафиксированных[85], – то есть при такой последовательности речь идет не об упрощении архитектурного стиля, а о его развитии, совершенствовании.

---

[81] *Иоаннисян О. М.* Зодчество первой половины – середины XII века. – С. 64-65.

[82] *Его же.* О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века // Ruthenica. – 2007. – № 6. – С. 172.

[83] *Иоаннисян О. М.* Зодчество первой половины – середины XII века. – С. 73.

[84] Там же.

[85] Там же. – С. 67.

Отдельную до сих пор не решенную проблему представляют посвящения обоих храмов и связь этих посвящений с личностью заказчика. Собственно, допущение, что Всеволод Ольгович имел крестильное имя Кирилл, базируется, в свою очередь, на допущении, что именно он был фундатором Кирилловской церкви и возвел её в честь своего небесного покровителя, а также на том факте, что его жена и другие члены семьи особенно отмечали этот храм при жизни и были там погребены после смерти[86]. В литературе даже прижилось употребление имени князя в искусственной удвоенной форме "Всеволод-Кирилл", демонстрирующей языческий и христианский варианты одновременно. Однако, ни в одной из летописей нет даже намека на патрональный статус св. Кирилла Александрийского относительно Всеволода Ольговича.

Вряд ли тут прослеживается какое-то особенное предубеждение. Источник, созданный и редактированный православными монахами, просто фиксирует специфическую ономастическую реальность древнерусских элит: "Столкнувшись с массовой «экспансией» христианского именослова, княжеская традиция … немедленно выработала в качестве ответной стратегии двуименность"[87]. При этом, хоть иногда летопись и называет крестильные имена ("родисѧ оу Игорѧ сн҃ъ и нарекоша имѧ є҆моу въ кресщньи Андрѣѩнъ, а кнѧжеє Ст҃ославъ"[88]), однако большинство светских правителей в летописных текстах фигурирует под своими родовыми, то есть языческими по происхождению именами. Делалось это сознательно: "Важность принципа наречения в честь умершего предка для огромной семьи Рюриковичей трудно переоценить. В самом деле, этот принцип был крайне важен для родового мира вообще, но в княжеской семье он приобретал совершенно особое значение. Совпадение имени молодого правителя с именем его умершего родича, уже княжившего на этой земле, означало прежде всего легитимность его права на власть"[89]. Не стал исключением и Всеволод Ольгович, в летописных текстах он всегда и везде только "Всеволод".

Однако есть в этих текстах момент, который названную именную пару ("Всеволод-Кирилл") все-таки связывает. Сообщение о заложении Георгиевской церкви в Каневе указывает дату события – 9 июня, которая, как уже отмечалось, по церковному (юлианскому) календарю является индивидуальным днём памяти св. Кирилла Александрийского[90] (в отличие от парного дня памяти св. Кирилла и Афанасия 18 января).

---

[86] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. – М., 2006. – С. 504-505.

[87] Там же. – С. 30.

[88] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 604. – С. 414.

[89] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей... – С. 13.

[90] *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 46; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей… – С. 505.

Если сакрально-ономастическая связь князя Всеволода и св. Кирилла таким образом гипотетически устанавливается, то присутствие тут св. Георгия не очень понятно.

Простейшим объяснением является житийная характеристика святого воина, долженствующая наилучшим образом соответствовать личной ценностной парадигме Всеволода Ольговича[91]. Более интересной кажется версия, по которой "святой покровитель Ярослава Мудрого – св. Георгий, − безусловно становится «семейным покровителем» ближайших поколений Рюриковичей" и хотя "особенно почитается в родовой линии его сына Всеволода и внука Владимира Мономаха"[92], однако используется как символ династической связи со славным предком и в "другой ветви Ярославичей"[93], а именно Ольговичами. Напомним, что Всеволод Ольгович был правнуком Ярослава "Мудрого" и внуком Святослава Ярославича – двух великих князей киевских. Логично, если в своем стремлении утвердиться на великокняжеском столе (становившем основной смысл его правления) он прибегнул к такому общепонятному в ту эпоху символическому шагу.

К сожалению, не слишком проясняют такую ситуацию церковные синодики, в частности те из них, которые в процессе многократного редактирования и сокращения перенесённой части сумели сохранить имена князей черниговской династии. Поминания этих властителей бесполезно искать как в древнейших из известных российских синодиков[94], так и в большинстве введённых в научный оборот синодиков, создававшихся на территории Украины. По крайней мере, уже на рубеже XVII–XVIII столетий существовала некая базовая редакция княжеского поминального списка, практически без изменений повторяющаяся в известных украинских синодиках, созданных (или в очедной раз переформатированных) в это время. Эту редакцию сопровождают, в частности, характерные ошибки протографа, впоследствии бездумно тиражировавшиеся переписчиками[95].

---

[91] *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 46.

[92] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей... – С. 121.

[93] Там же. – С. 120.

[94] Скажем, они в равной мере отсутствуют как в синодике конца XVI столетия Троице-Сергиевой лавры (Российская государственная библиотека. – Ф. 304/III: Рукописи ризницы. – № 25. – Л. 35), так и в синодике 1625 года относительно периферийного монастыря на Брянщине (*Тиханов П. Н.* Синодик старца Ефрема: Рукопись Свенского монастыря 7134 г. – Брянск, 1896. – С. 4.).

[95] К таким ошибкам относится искусственное раздвоение личности князя Юрия (Георгия) "Долгорукого", который упоминается сначала вместе с отцом ("Великаго Кнѣзѧ Владимира Всеволодовіча Мономаха и Сина егѡ Великаго Кнѣзѧ Геѡргіѧ") и потом в этом же списке самостоятельно ("Великаго Кнѣзѧ Юріѧ Владимировіча Долгорꙋкаго"). Такой характерный сбой встречается в перенесённой части синодиков конца XVII века Батуринского Николаевского (*Ситий І. М.* Синодик Крупицького Батуринського монастиря // Сіверянський літопис. – Чернігів, 1997. – № 5. – С. 44) и Полтавского Крестовоздвиженского (Научная библиотека Московского государственного университета. – № 1374. – Л. 35 об.) монастырей, а также в синодике Софии Киевской конца XVIII века (*Прокоп'юк О.* Поменник Софії Київської: Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVIII – першої чверті XIX ст. – К., 2004. – С. 29). А вот в синодике

Собственно, имя Всеволода Ольговича упомянуто лишь в трёх известных на сегодня поминальных источниках. Два из них (синодик второй половины XVII века Введенской церкви в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры[96] и синодик середины XVIII века Воскресенской церкви Любецкого Антониевского монастыря[97]) сохранились в оригиналах. Третий – синодик конца XVII века Черниговского (Елецкого) Успенского монастыря – известен только в описании и коротких цитатах, опубликованных, в частности, архиепископом Филаретом (Гумилевским)[98]. Во всех трёх документах князь фигурирует под своим родовым (языческим) именем, крестильное имя не называется, однако по крайней мере в двух (а вероятно, и во всех трёх) случаях Всеволода Ольговича упоминают как “въ иноцехъ Кѵрила”[99]. Мало того, в синодике Введенской церкви в Ближних пещерах, отличающемся большой полнотой и корректностью княжеских поминальных списков, Всеволод Ольгович назван так дважды: сперва среди “Прєсвѣтлыхъ Златоточныхъ Православныхъ и блг҃овѣрныхъ Рѡссійскихъ Цр҃ей и Вєликихъ Кнsєи”[100], а потом в локальном списке “Блг҃овѣрныхъ Кн҃зєй Чєрниговскихъ”[101].

До сих пор вопрос о принятии Всеволодом Ольговичем пострига считается дискуссионным[102]. Наибольшее сомнение привносит полное отсутствие ссылок на факт монашества князя в летописях: Ипатьевская сжато, но достаточно детально описывает его последние предсмертные поступки, однако о постриге не вспоминает[103], Лаврентьевская же традиционно отделывается краткой недетализированной репликой[104]. В то же время в схожей ситуации с сыном Всеволода Ольговича – киевским великим князем Святославом

второй четверти XVII столетия Межигорского Спасо-Преображенского монастыря указана только “вѣчнаѧ памѧть … Великомꙋ Кн҃ю Володымерꙋ Мономахꙋ и Сн҃ꙋ егѡ Геѡргію” (*Кузьмук О.* Поменник Межигірського монастиря: публікація рукописної пам’ятки XVII ст. // Болховітіновський щорічник. – К., 2012. – С. 144), что маркирует вышеупомянутую ошибку, то есть дописывание имени Юрия Долгорукого как отдельной позиции, приблизно серединой XVII века. Впрочем, отдельного перечня черниговских князей в Межигорском синодике нет.

[96] Хранится в Национальном Киево-Печерском историко-культурном заповеднике (КПЛ. – Кн. 907). Опубликован: Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври / Упоряд., вст. ст. О. Кузьмука // Лаврський альманах. – Спецвип. 7. – К., 2007. – 120 с.

[97] Чернігівський обласний історичний музей імені В. В. Тарновського. – № Ал 330. Опубликован: *Зотов Р. В.* О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. – СПб., 1892. – 379 с.; Синодик Любецкого Антониевского монастыря. – Чернигов, 1902. – 167 с.

[98] *[Филарет (Гумилевский)]*. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов, 1873. – Кн. 3. – С. 2–3; 1874. – Кн. 5. – С. 35; *Келембет С.* Пом’янники (синодики) князів Чернігівської землі як історичне джерело // Сіверянський літопис. – 2016. – № 6. – С. 25.

[99] Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах… – С. 17; *[Филарет (Гумилевский)]*. Историко-статистическое описание… – Кн. 5. – С. 35. В Любецком синодике вследствие ошибки переписчика случилось некорректное приписывание христианского имени Игоря Ольговича его брату Всеволоду. Эту ситуацию, на наш взгляд, убедительно объяснил черниговский историк Станислав Келембет: *Келембет С.* Пом’янники (синодики) князів Чернігівської землі… – С. 28.

[100] Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах… – С. 16.

[101] Там само. – С. 17.

[102] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей… – С. 505.

[103] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 320–321. – С. 222–223.

[104] ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 313.

– Ипатьевская летопись чётко отмечает, что в 1194 году властитель перед смертью сознательно “велѧ сѧ постричи в черньци” и окончил свои дни и был погребён “во стмѣ Кюрилѣ во ѡтнѣ емоу манастырѣ”[105].

Если вспомнить, что и супруга Всеволода Ольговича в 1169 году умерла “приємьши на сѧ чернечкоую скимоу и положена бысть в Києвѣ оу стѣго Кюрила”[106], становится очевидной определённая семейная тенденция. Из краткого княгининого некролога тяжело понять, когда именно и где она приняла иночество, однако однозначное указание на постриг её сына в Кирилловском монастыре дает основание утверждать, что обитель была мужской. Княгиня, в таком случае, могла опекать монастырь как благодетельница, но свою постоянную монашескую жизнь проводила где-то в другом месте.

Однако факт основания Всеволодом Ольговичем Георгиевской церкви в Каневе в день памяти св. Кирилла, чьё имя он, по информации синодиков, взял как монашеское, позволяет рассмотреть чрезвычайно смелое предположение, согласно которому постриг каждый из супругов принял не перед самой смертью, а раньше, возможно, даже не позже 1144 года.

Современная христианская практика не запрещает, хотя и каждый раз обуславливает исключительными внешними обстоятельствами, возможность продолжения обычной мирской жизни после принятия малой схимы (т. н. “тайное монашество”). Ещё одним экстраординарным вариантом является т. н. “монашество в миру”, когда человек де-факто инок, но не перебывает постоянно в монастыре (чаще всего – через объективное его, монастыря, отсутствие или недоступность). Однако для древнерусского контекста оба эти варианта, даже с учетом известных фактов княжеского самоуправства, были слишном экзотическими. Добровольное пострижение князя воспринималось как отказ от сословных прав и обязанностей, да и от политической деятельности вообще. По уместному замечанию Леонтия Войтовича, “Св. Микола Святоша (Святослав Давидович) був винятком. Напевно через це церква поспішила його канонізувати. … До початку XIII ст. князі-ченці були рідкістю”[107].

Еще более дискуссионным такое предположение кажется ввиду неоднократно задокументированных случаев принудительного пострижения князя для искусственного

---

[105] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 680. – С. 466.

[106] Там само. – Стб. 612. – С. 420.

[107] “Св. Никола Святоша (Святослав Давыдович) был исключением. Наверное поэтому церковь поспешила его канонизировать. … До начала XIII ст. князья-монахи были редкостью” *(перевод с украинского)*. *Войтович Л.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль: Історико-генеалогічне дослідження. – Львів, 2000. – 649 с. – Режим доступу: http://izbornyk.org.ua/dynasty/dyn64.htm [4 апреля 2018].

его выведения из политического процесса. Примеров же “тайного монашества”, “монашества в миру”, а тем более расстрижения после принудительного пострига история домонгольских князей как правило не демонструет. Собственно, это буквально отвечает наставлениям основоположника и ведущего методолога христианского монашества св. Василия Великого, четко указывавшего, что выходить из обители подвижничества, кроме установленных и необходимых случаев, не позволяется[108].

Однако Всеволод Ольгович после заложения каневского храма до самой своей смерти в августе 1146 года вёл активную политическую и военную деятельность, интриговал, проводил напряжённые переговоры и лично возглавлял военные экспедиции. Скорее всего, единственной его возможностью оказаться “въ иноцехъ” была другая распространённая среди княжеского сословия практика – “передсмертный постриг”. Так, как в 1194 году сделал его сын Святослав.

Летописи редко приводят подробности диагнозов (а точнее, анамнезов), так и в случае Всеволода Ольговича мы имеем лишь общие указания на то, что в конце июля 1146 года после неудачного военного похода он был “велми боленъ”[109] – настолько, что после возвращения в Киев сразу сосредоточился на обеспечении гарантий своему преемнику на великокняжеском столе и вскоре умер. Однако было ли это ухудшение состояния таким уж неожиданным для самого князя? В нашем распоряжении лишь скупые летописные сведения, довольно поверхностным “пунктиром” очерчивающие жизнь этой незаурядной личности, однако и они дают возможность сделать несколько наблюдений.

Военно-политическое наполнение последних лет жизни Всеволода Ольговича ничем не отличается от предыдущего периода, но вот в июне 1144 года он закладывает каневский храм, где, с одной стороны, по нашей версии, фиксирует сакральную связь со своим славным предком Ярославом “Мудрым”, а с другой – впервые вводит в публичное поле образ св. Кирилла Александрийского как своего небесного патрона, по свидетельству синодиков, “въ иноцехъ”. И уже в следующем 1145 году по его инициативе и под акомпанемент сакральных небесных знаков (“ѣвисѧ звѣзда привелика на западѣ испоущающи лоуча”[110]) в Киеве проходит высшее княжеское совещание, на котором прежде всего решается вопрос преемничества киевского стола. Всеволод Ольгович сам ставит этот вопрос, апеллируя к прецедентам, связанным с прижизненными завещаниями Владимира “Мономаха” и его сына Мстислава Владимировича, и выдвигает своим

---

[108] *Святитель Василий Великий, архиеп.* Слово о подвижничестве // *Святитель Василий Великий, архиеп.* Творения. – М., 2009. – Т. 2. – С. 147. Кажется, единственным таким князем-расстригой был Рюрик Ростиславич, но этот эпизод относится уже к началу XIII века т. е. к последнему акту истории домонгольской Руси.

[109] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 320. – С. 223.

[110] Там же. – Стб. 317. – С. 221.

официальным наследником родного брата Игоря Ольговича (“а се а мольвлю ѡже мѧ Бъ҃ поиметь, то азъ по собѣ даю братоу своемоу Игореви Киевъ”[111]). Розговор не ограничивается декларациями, великий князь активно давит на участников и буквально вынуждает их присягнуть своему будущему преемнику (“и речѣ имъ Всеволодъ: Игорю цѣлоуи кр҃тъ ѩко имѣти братью въ любовъ, а Володимиръ и Ст҃ославъ и Изѧславъ цѣлоуите крс҃тъ ко Игореви, что вы начнеть даѭти но по воли, а не по ноужи, и цѣловаша на всеи любви крс҃тъ”[112]). И только после совершения присяги все переходят к обсуждению очередного похода.

Речь идет о том, что в зените своего могущества, без каких-либо видимых непреодолимых угроз его властному положению Всеволод Ольгович вдруг озаботился вопросом о собственном наследнике как первоочередным. Чем так остро не озабочивался раньше… Что стимулировало к этому? По нашему допущению, это могла быть тяжёлая хроническая болезнь, всё ещё не мешающая князю исполнять его функции, однако не оставляющая сомнений в скором завершении его жизни. При таких обстоятельствах уместным могло быть и послушенство, и даже постриг (малая схима), которые в момент обострения могли восприниматься как предсмертные. Конечно, это прямо противоречит вишеупомянутому наставлению св. Василия Великого, однако возможность такого форс-мажора всё же существует. Интересно, что к выводу о том, что великий князь вдруг занялся решением проблемы преемничества, поскольку был “слабый здоровьем”, пришёл и Н. Карамзин[113].

В следующем 1146 году Всеволод Ольгович после неудачной военной экспедиции и безуспешной осады Звенигорода в Галицком княжестве позвращается в Киев. Уже тут он “разболисѧ” и переезжает в свою постоянную резиденцию возле Вышгорода, куда зовёт к себе братьев. Агония продолжается три дня, складывается впечатление, что иллюзий относительно своих перспектив Всеволод не имеет, поэтому занимается исключительно подтверждением и закреплением прошлогоднего “хрс҃тьного целованьѧ” Игорю Ольговичу.

Прежде всего великий князь “призва к собѣ Киѭне и нача молвити азъ есмь велми боленъ, а се въı братъ мои Игорь, имѣтесь по нь, ѡни же рекоша кн҃же ради сѧ имемь”. Игорь с делегацией киевлян направляется в Киев, где “подъ Оугорьскии” собирается городское вече, на котором “вси ѡни же вси цѣловаша к немоу крс҃тъ, рекоуче ты намъ

---

[111] Там же.

[112] Там же. – Стб. 318. – С. 221.

[113] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского: В XII т., III кн. – М., 2002. – Кн. I. – Т. II. – Гл. X. – С. 250.

кнѓзь и ѩшась по нь льстью”[114]. На следующий день эта же процедура повторяется уже в Вышгороде с местными жителями.

Всеволод тем временем посылает делегатов к своим оппонентам, прежде всего в Переяслав к Изяславу Мстиславичу, с запросом “стоите ли въ хрс̑тьномъ цѣлованьи оу брата своего оу Игорѧ”[115], и получает положительный ответ. Только после этого, использовав последние силы, Всеволод Ольгович “мс̑ца августа въ а̑ днь” умер и был погребен тут же в Вышгороде “оу црк̑ви сто̑ю мчн̑ку”, то есть в храме св. Бориса и Глеба, заложенном и в значительной мере построенном его родным дедом Святославом Ярославичем.

О предсмертном постриге летопись не упоминает, одновременно в описании последних дней князя полностью отсутствует его княгиня, хотя аналогичные упоминания есть, скажем, в описании последних дней сына Всеволода Ольговича – великого князя Святослава[116]. Нет там и ни единого слова о Кирилловской обители, которая стояла как раз над дорогой из Киева в Вышгород и как патрональный великокняжеский монастырь должна была как-то фигурировать в событиях, а то и стать местом захоронения фундатора. Однако такое умолчание логично при условии, что Кирилловский монастырь в августе 1146 года ещё не существовал[117].

4. О возможных причинах возникновения Киево-Кирилловского монастыря и его соборной церкви

Когда же возникла обитель, и что привело к ее появлению именно на Дорогожичах? В научной литературе популярна версия, согласно которой таким образом Всеволод Ольгович воплотил благодарность богу и своему патрональному святому за покровительство во время добытия киевского стола в марте 1139 года[118]. Дорогожичи в этой гипотезе рассматриваются как “зручний плацдарм для взяття Києва”[119], а место будущего монастыря будто бы соответствует месту последней личной молитвы князя перед решительным наступлением на город[120]. Такой ход событий возможен, однако пока ничем не подтверждается.

---

[114] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 320. – С. 222-223.
[115] Там же. – Стб. 321. – С. 223.
[116] Там же. – Стб. 680. – С. 466.
[117] *Pevny O. Z.* The Kyrylivs’ka tserkva… – P. 57.
[118] *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 40, 43, 46-47.
[119] “Удобный плацдарм для взятия Киева” (*перевод с украинского*). Там само. – С. 51.
[120] Там само. – С. 47.

Ипатьевская летопись, описывая события 1139 года (со смещением на год и датируя их следующим 1140-м), рассказывает, как Всеволод Ольгович устроил тогдашнему великому князю Вячеславу Владимировичу своеобразный дистанционный прессинг, совершив рейд из Вышгорода до северного предместья Киева (Копыревого конца) и принявшись его безжалостно уничтожать. Вячеслав, “не хотѧ крове пролиѭти”[121], давления не выдержал и тут же согласился отдать стол. Через несколько дней Всеволод свободно вошёл в Киев и начал великое княжение. Лаврентьевская летопись традиционно пересказывает этот сюжет лаконичней, разве что смещает его на год 1138-й[122].

О Дорогожичах, которые всё же довольно далеко от Копыревого конца, нигде не упоминается да и какие-либо серьёзные события в этой местности, по нашему мнению, вряд ли тогда происходили. Жизнь Всеволода Ольговича была чрезвычайно насыщена разнообразнейшими кризисными ситуациями, интригами и битвами, постоянным стремлением к утверждению своей династии, поэтому особенно выделять и сакрализировать вполне локальную ситуацию было бы нехарактерно для этого насквозь политизированного персонажа.

На наш взгляд, более вероятное объяснение могут подсказать драматические события года 1146-го. После смерти старшего брата Игорь Ольгович попытался продолжить прежнюю линию поведения и “созва Киѧне вси на гору на Ѩрослаль дворъ и цѣловавше к немоу хр҃тъ”[123], то есть организовал в центре княжеского детинца ещё одну присягу себе на верность. Этот внешне успешный сценарий был омрачён неожиданным эксцессом: внизу на Подоле “оу Тоуровы божьницѣ” собралась толпа и потребовала к себе нового великого князя для предоставления личных гарантий справедливого правления и устранения от власти администраторов Всеволода Ольговича, которые, по мнению простых киевлян, “погоуби Киевъ”. Игорь лично ехать не рискнул, а “ста съ дроужиною своею” в безопасном месте, делегировав на переговоры своего брата Святослава Ольговича.

Святослав пошёл навстречу всем требованиям (“речѣ имъ ѩзъ цѣлоую крестъ за братомъ своимъ ѩко не боудеть вы насильѧ никоторого же”), в свою очередь “Киѧне же вси сѣсѣдше с конь и начаша молвити братъ твои кн҃зь и ты и на томъ цѣловаше вси Киѧне хр҃стъ”. Внешняя идиллия продолжается: “Ст҃ославъ поима лоутшѣи моужѣ Киѧнѣ и ѣха с ними братоу своемоу Игореви и речѣ брате на томъ азъ цѣловалъ к нимъ хр҃стъ

[121] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 302. – С. 210.
[122] Там же. – Т. 1. – Стб. 306-307.
[123] Там же. – Т. 2. – Стб. 321. – С. 224.

ѡже ти ѣ имѣти въ правдоу и любити. Игорь же съсѣдъ с конѧ и цѣлова к нимъ крс҃тъ на вси воли и на братьнии, ѣха на ѡбѣдъ”[124]. Казалось, гармония достигнута, и внезапно всё рухнуло.

В Киеве начался спонтанный грабёж усадеб ненавистных администраторов, Игорь направляет Святослава с дружиной на усмирение беспорядков, и “ѡдва оутиши” эти конфликты, как в игру вступают внешние силы. На запросы Игоря Ольговича к лидеру Мономаховичей переяславскому князю Изяславу Мстиславичу “стоишь ли въ хрс҃номъ целованьи” ответа не последовало, напротив, Изяслав с дружиной переправляется на Правобережье и собирает на Поросье против “Ѳлговичь” вооружённую коалицию, которая, между прочим, включала “и хрс҃тьѧныѧ и поганыѧ”[125]. В свою очередь поддержали заговор и киевляне. Все попытки Игоря найти общий язык и задобрить соперников, все апелляции к предыдущим клятвам и целованиям креста оказались тщетными: остановить катастрофу было невозможно.

Решающее сражение состоялось где-то в районе нынешней Шулявки “идеже есть Надово ѡзеро оу Шелвова боркоу”[126], откуда, не выдержав натиска, Игорь и Святослав с войском “побѣже … въ Слоудовы Дорогожьчьскиѧ”[127], то есть сделали отчаянную попытку избежать разгрома, затерявшись в обрывистых отрогах нынешнего Бабьего Яра[128]. Этим намерениям воспрепятствовал лично Изяслав Мстиславич, который “съ Мьстиславомъ сн҃омъ своимъ и съ своею дроужиною въѣха в нѣ в бокъ имъ и начаша сѣчи”, в результате чего лидеры отступающих “разлоучишасѧ дроугъ ѿ дроуга”. Святослав Ольгович “бѣжа на оустье Десны за Днѣпръ”, оттуда подался “в Черниговъ съ маломъ дроужины”[129] и впоследствии в своё Новгород-Северское княжество.

Игорю повезло меньше: преследователи загнали его прямо “в болото Дорогожичьское и оугрѧзе под нимъ конь, и не може емоу ѣти, бѣ бо ногама боленъ”[130]. Распалённые азартом, триумфаторы на этом не остановились и ещё долго истребляли противников по всему местному побережью (“идоша до нихъ до Вышегорода, и до Нѣпра до оустьѧ Десны и до перевоза до Киевьского, сѣкоуще ѣ, а дроугыѧ во водѣ избивахоу и многимъ падение бысть”[131]). То есть именно тут, на Дорогожичах, было окончательно пренебрежено завещание великого князя киевского Всеволода Ольговича, закреплённое

---

[124] Там же.
[125] Там же. – Стб. 323. – С. 225.
[126] Там же.
[127] Там же. – Стб. 326. – С. 227.
[128] *Желєзняк М. І., Корепанова А. П., Масенко Л. Т., Стрижак О. С.* Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. – К., 1985. – С. 53.
[129] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 328. – С. 228.
[130] Там же. – Стб. 327. – С. 227.
[131] Там же.

целым рядом публичных крестных целований, − самых принципиальных для христианина клятв, − а избранный им преемник был насильно лишён своего законного статуса. Про патрональный “Всеволож” монастырь св. Кирилла с могущественным “храмом-фортецею”[132] в этом драматическом и довольно детализированном сюжете не сказано ни слова, хотя логично было бы попытаться выстроить оборону именно вокруг него. Но летопись на Дорогожичах фиксирует лишь болота да обрывы (“слоудовы”) и больше ничего.

Вся дальнейшая страдальческая доля Игоря, включительно с тюремным заключением, вынужденным постригом “в манастырь ст҃го Федора”, гибелью в следующем году от рук озверевшей толпы и издевательствами над трупом[133], как и последовавшая канонизация, важна в смысле агиографическом и историческом, однако мало что изменила в тогдашнем текущем политическом контексте. Изяслав Мстиславич с небольшими перерывами пожизненно сохранил киевский стол. Более того, на ближайшие десятилетия черниговская династия поступилась даже ролью основного противника Мономаховичей. Ольговичи надолго стали лишь союзниками главных претендентов на великое княженние в Киеве и почти никогда не достигали его сами.

В конце концов, сами Ольговичи выглядели монолитными разве в антипатиях киевского плебса. В действительности же, если Святослав Ольгович после пережитого стресса навсегда остался непримиримым врагом Изяслава Мстиславича, родной сын пренебрежённого Изяславом Всеволода Ольговича – будущий великий князь киевский Святослав – выступал Изяславовым союзником в противостоянии Юрию “Долгорукому”, а потом и союзником Изяслава Давыдовича против всё того же Святослава Ольговича. Никакой абсолютной непримиримости между династиями не было, постоянно велись междуусобные войны в самых разных комбинациях сторон, а вчерашний враг завтра мог стать временным партнёром.

В этих условиях потребность как-то публично смикшировать радикализм событий 1146 года, связанных не только с очередной сменой правителя в Киеве, но и с нарушением победителями целой серии собственных крестных целований, пренебрежением последней волей законного великого князя, который, к тому же, мог пребывать на каком-то этапе принятия иноческого пострига, была актуальной и для общества, и для его элиты. Попытаться расставить примирительные акценты нужно было, как минимум, для сохранения хотя бы самых общих понятийных правил отношений между князьями. Проще

---

[132] “Храмом-крепостью” *(перевод с украинского)*. *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 47.

[133] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 350-355. – С. 243-246.

говоря, актуальным было декларирование того, что крестное целование в древнерусской политике всё ещё действует и казус с пренебрежением последней волей Всеволода Ольговича был лишь казусом.

На наш взгляд, одним из шагов, реализующих описанную задачу, могло быть создание на месте трагедии монастыря в честь патронального святого Всеволода Ольговича со “специализированным” на поминании князя южным алтарём-“кутейником” в главном храме обители. Дорогожичи были территорией, прилегающей к городу, поэтому возведение тут капитальных сооружений без согласия киевского властителя было невозможным. Из этого можно попробовать сделать вывод, что появление Кирилловского храма и монастыря Изяслав Мстиславич по крайней мере санкционировал, а не исключено, что и инициировал.

Это непрямо подтверждает и автор Ипатьевской летописи, всячески выгораживая князя и демонстративно подчёркивая его неинформированность относительно убийства Игоря, во что, при тех обстоятельствах, поверить сложно. Летописный Изяслав Мстиславич во время преступления будто-бы пребывал далеко вне Киева, а узнав об ужасной судьбе Игоря, “прослезивсѧ” и обратился к своему окружению с длинной покаянной речью, которую источник “дословно цитирует”[134]. Понятно, что хотя литературный Изяслав Мстиславич и признал себя виновным в нарушении данного им слова, реальный Изяслав Мстиславич властью поступаться не собирался и речь шла лишь об определённых символических жестах, позволяющих участникам событий “сохранить лицо”.

В конце концов великому князю не обоятельно было лично совершать публичные шаги к примирению с недавними врагами: для этого привлекались разнообразные посредники и компромиссные фигуры. Таким “послом доброй воли”, в частности, могла выступить его родная сестра и одновременно вдова “посмертно обиженного” Всеволода Ольговича, то есть человек, прямо причастный к обеим конкурирующим династиям. Если наше допущение верно, она была идеальной кандидатурой для реализации важной миротворческой миссии. А видимым воплощением этой миссии могла стать поминальная Кирилловская обитель с одноимённым каменным храмом.

5. “Кнѧгинѣ Всеволожѣ”: реальная личность и мистифицированный образ

Мы практически ничего не знаем об этой женщине. Единственная информация о её личной жизни и крестильном имени исходит от российского историка XVIII века Василия

[134] Там же. – Стб. 354-355. – С. 246-247.

Татищева: “Владимир отдалъ дочь Мстиславлю Агаѳїю за Всеволода Олговича”[135]. К сожалению, авторство Татищева и его своеобразный творческий стиль не позволяют отнестись к такому сообщению с полным доверием. Татищевская “История Российская”, по меткому определению Алексея Толочко, “в качестве собрания источников не представляет собой ничего ценного, но в качестве коллекций мистификаций представляется действительно выдающимся текстом”[136]. Существует вполне убедительная версия, по которой Татищев просто спутал эту дочь Мстислава Владимировича (и внучку Владимира Мономаха) с её родной тёткой, о которой действительно известно, что в 1116 году “Володимерь w̃да дщерь свою Огафью за Всеволодка”[137], то есть Всеволода Давыдовича, княжившего в Гродно[138].

Ещё одна распространённая историографическая ошибка приписывает супруге Всеволода Ольговича имя Мария, соответственно называя её Марией Мстиславной[139]. Основывается эта традиция на тексте Густынской летописи, которая под 6686 годом от сотворения мира (соответствующим 1178 году от Рождества Христова) сообщает: “В то ж лѣто преставися благовѣрная княгиня Мария Всеволодовна, мати Святославля, дщи Казимера, короля Полского, Мниха, иже пострижеся въ схиму, и положена бысть в церквѣ святого Кирила, юже сама создала бѣ”[140].

Очевидную хаотичность и фактологическую противоречивость этого сообщения подметил ещё Михаил Максимович[141], справедливо допустив, что автор текста спутал двух различных особ – жену и невестку Всеволода Ольговича[142]. Действительно, перед уже неоднократно цитированным нами фрагментом о смерти и погребении “кнѧгини Всеволожаѧ” под тем же 1178 годом Ипатьевская летопись свидетельствует, что “приведе Сѣславъ за Всеволода за середнего сн҃а женоу из Лѧховъ Казимѣрноу во Филипово говѣньє”[143]. Историк правильно розличает этих двух исторических персонажей, правильно, на наш взгляд, отводит старшей из них роль “строительницы Кирилловской церкви и монастыря”[144], однако “присваивает” ей имя Мария, опираясь на ту же Густынскую летопись и ещё более поздние и вторичные исторические работы XVIII века.

---

[135] История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. – М., 1773. – Кн. 2. – С. 218.

[136] *Толочко А. П.* “История Российская” Василия Татищева… – С. 522.

[137] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 284. – С. 197.

[138] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей… – С. 461-463, 502-503.

[139] *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 39-43.

[140] ПСРЛ. – Т. 40: Густынская летопись. – СПб., 2003. – С. 99.

[141] *Максимович М. А.* О создании Киевской церкви св. Кирилла. – С. 161-171.

[142] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей… – С. 462.

[143] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 612. – С. 420.

[144] *Максимович М. А.* О создании Киевской церкви св. Кирилла. – С. 171.

Именно Максимовичу принадлежит ономастическая формула “Мария Мстиславна”[145], популярная и в современной украинской историографии.

На самом деле даже древнейшие из сохранившихся домонгольских летописей ни разу не называют обеих княгинь по имени. Скажем, Ипатьевская идентифицирует их либо по мужу (“Всеволожаѧ”), либо по отцу (“Казимѣрна”). Автор Густынской летописи, намного более поздней по времени создания, информации которого рискнул частично довериться Максимович, описывая события времён Киевской Руси, не ставил перед собой никаких археографических заданий, а создавал актуальный для свого XVII века “своєрідний полемічний твір антиуніатського спрямування”[146]. Соответственно, исторические источники, им используемые, были лишь “сырьём” для авторского текста, который, как и столетием позже у Татищева, был самостоятельным концептуальным, хотя и в значительной мере компилятивным, произведением и только во внешних чертах имитировал древние летописи.

В такой ситуации определить, почему в путанном густынском сообщении появилось имя Мария и кому именно оно в действительности принадлежало, проблематично. Не подтверждается оно не только относительно старшей княгини, но и касательно младшей. Современная польская историческая наука в вопросах генеалогии династии Пястов отталкивается от поколенных росписей, составленных ещё в конце XIX века профессором Львовского университета Освальдом Бальцером. В своей классической работе “Genealogia Piastów” “женоу из Лѧховъ” Всеволода Святославича “Чермного” (то есть внука Всеволода Ольговича) он обозначает криптонимом “N. N.”. Мало того, эта женщина, родившаяся в 1164 году, была действительно дочерью одного из князей Пястов, но не Казимира I “Восстановителя” (Kazimierz I “Odnowiciel”, 1016-1058), который некоторое время пребывал в монастыре и получил прозвище “Mnich”[147], а его несколько более скромного родича Казимира II “Справедливого” (Kazimierz II “Sprawiedliwy”, 1177-1194)[148]. То есть автор Густынской летописи и тут напутал, внеся в текст неточные исторические сведения да еще в собственной субьективной их интерпретации.

Освальд Бальцер честно отмечает, что “imienia jej (супруги Всеволода Святославича “Чермного”. − *И. Д.*) nie znamy; nadawane jej na podstawie przekazu

---

[145] *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – С. 39-43.

[146] “Своеобразное полемическое произведение антиуниатской направленности” (*перевод с украинского*). *Толочко О. П.* Текстологічні спостереження над збірниками, що містять Густинський літопис (до питання про реконструкцію архетипу) // Український археографічний щорічник. – К., 1999. – Вип. 3-4. – С. 161.

[147] *Balzer O.* Genealogia Piastów. – Kraków, 1895. – S. 4.

[148] Ibidem. – S. 8.

Kalnofojskiego[149] przez dawniejszą historyografią imię Marya polega na nieporozumieniu", однако, не чувствуя себя уверенно в древнерусском источниковом материале, имя жены Всеволода Ольговича принимает как аксиому ("ponieważ zaś skądinąd wiadomo, że fundatorka tejże cerkwi nazywała się Maryą") и считает, что и Казимирову дочь так стали называть, приняв за свекровь[150].

Мы можем выдвинуть собственное предположение, откуда всё-таки в "Густынскую летопись" могло попасть имя Мария: так звали ещё одну княгиню домонгольской эпохи – дочь Владимира Святославича "Крестителя" і сестру Ярослава Владимировича "Мудрого", − которую в 1038 или 1039 году выдали замуж за вышеупомянутого польского князя Казимира I Пяста "Восстановителя"[151]. Древнерусские летописи по имени её не называют, а вот в западных источниках сохранилось несколько вариантов её имён: как родовых языческих ("Добронега", "Доброгнева", "Добровка"), так и крестильного ("Мария"), причём самые ранние упоминания датированы XI веком, то есть являются прижизненными[152]. "Не будучи людиною високої освіченості, а можливо, просто відчуваючи брак літературної вправності"[153], автор "Густынской летописи" мог добавить в создаваемый им конгломерат фактов и дат ещё и эту историческую личность, особенно учитывая польские страницы её биографии.

Если летописи молчат, нам снова придётся обращаться к, по остроумному выражению, "не вполне прозрачным данным"[154] синодиков. "Любецкий синодик" среди "Блг҃ювѣрныхъ Вєликихъ Кн҃зєй Чєрнѣговскихъ, Кїєвскихъ и протчїихъ" кроме Всеволода Ольговича называет ещё двух его тёзок домонгольской эпохи: "Вєл: Кнз: Всєволода, в Сг҃омъ Кр҃щєнїи Нарєчєннаго Гаврїила" (то есть Всеволода Мстиславича, внука Владимира "Мономаха", канонизированного ещё в конце XII века) и семейную пару "Вєл: Кнз: Всєволода Данїила Сг҃ослава* Чєрнѣ: и Кн҃гиню єго Анастасїю" (то есть Всеволода

[149] Имеются в виду упоминания о домонгольских киевских князьях в известном издании Teraturgima lubo cuda klasztoru Pieczarskiego i obojga pieczar, z dodaniem rozmyślańuslan duchownych przez Atanazego Kalnofojskiego Sobornego Zakonnika Klasztoru Pieczarskiego Kijewsk. – Druk. Kijew. Pieczar. Lawry, 1638 r. Абзац, а котором описываются "patronowie" Киево-Печерской обители Всеволод Святославич "Чермный" и его супруга "Maria" (S. 58), дословно сопоставим с современным ему сообщением Густынской летописи.

[150] "Имени её не знаем; данное ей древней историографией на основании пересказа Кальнофойского имя Мария является следствием недоразумения", "поскольку известно, что фундаторку этой церкви звали Марией" (*перевод с польского*). *Balzer O.* Genealogia Piastów. – S. 260.

[151] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей… – С. 541; *Balzer O.* Genealogia Piastów. – S. 4.

[152] Ibidem. – S. 87-88.

[153] "Не будучи человеком высокой образованности, а возможно, просто чувствуя недостаточность литературного умения" (*перевод с украинского*). *Толочко О. П.* Текстологічні спостереження над збірниками…– С. 163.

[154] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей… – С. 505.

* Правильно "Святославича".

Святославича “Чермного” и его жену)[155]. Следовательно, если у “Чермного” других браков не было и поминальная запись дошла до нас корректно, это означает, что князя крестили как Даниила, а польскую княжну “Казимѣрноу” как Анастасию.

Синодик Введенской церкви в Ближних пещерах называет среди великих князей несколько Всеволодов − помимо того же Всеволода Ольговича “въ иноцехъ Кѵрила”, тут упоминают сына Ярослава “Мудрого” Всеволода Ярославича (без обозначения крестильного имени), Всеволода Мстиславича (в крещении Гавриила) и уже знакомую нам чету “Данїила Всєволѡда Сѣославича Чєрниговского, и Кнѓгню єгѡ Настасїю”. Каждый из этих персонажей присутствует в разных поминальных списках, но определение “Кїєвского” стоит только против второго и третьего[156]. Это примечание (лишь частично соответствующее исторической правде, ведь “Чермный” также был великим князем киевским) приобретает особенное значение, когда мы переходим к поминальному списку домонгольских великих княгинь[157].

Во главе двух с половиной десятков преимущественно малоинформативных женских имён стоят пять развёрнутых конкретизированных поминаний. На первые две позиции логично поставлены Ольга (в крещении Елена) и Анна “Кнѧжа Володимєровѣ Кїєвского”. Далее следуют упоминания про “Вєлик: Кнѓню Елисавєѳѣ Всєволѡдовѣ Кїєвъского”, “Вєлик: Кнѓню Екатєринѣ Сѣослава Кїєвъского” и “Вєлик: Кнѓню Евдѡкїю Всєволѡда Кїєвъского”[158].

Из последних трёх сравнительно легко идентифицируется дочь Василька Святославича, князя Полоцкого, в 1143 (6651) году вышедшая замуж за сына Всеволода Ольговича – Святослава[159]. Её крестильным именем, как мы теперь установили, было Екатерина. Она же через парное супружеское поминание в списке черниговских князей позволяет уверенно определить иноческое имя, полученное мужем во время передсмертного пострига – Гавриил[160]. Ещё одного черниговского князя Святослава Всеволодовича “въ иноцє(х) Онѣфрїа”, которого иногда путают с сыном Всеволода

---

[155] *Зотов Р. В.* О Черниговских князьях по Любецкому синодику… – С. 24-25.
[156] Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах… – С. 16-17.
[157] Там само. – С. 19-20.
[158] Там само. – С. 19.
[159] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 313. – С. 218.
[160] Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах… – С. 17; *Зотов Р. В.* О Черниговских князьях по Любецкому синодику… – С. 24.

Ольговича, это не касается[161], так как в другом месте синодика есть аналогичное поминание “Вєлик Кнз Сѣслава Кїєвского, Въ иноцєх Гаврїила”[162].

Из двух последних великих княгинь киевских, чьих мужей звали Всеволодами, нам и остаётся определить фундаторку Кирилловской церкви. Поскольку имена обеих жён Всеволода Ярославича (Мария и Анна) известны, синодик, скорее всего, называет имена супруг Всеволода Мстиславича и Всеволода Ольговича.

Всеволод Мстиславич формально никогда не был великим князем киевским, но его канонизировали ещё в XVI веке, то есть его фигура имела общецерковное значение. Как и Всеволод Ольгович, в синодике Введенской церкви в Ближних пещерах он упомянут дважды: сперва среди “Прєсвѣтлыхъ Златоточныхъ Православныхъ и блѣговѣрныхъ Рѡссійскихъ Цр҃ей и Вєликихъ Кнsєи”, а потом среди “Блѣговѣрныхъ Кн҃зєй Чєрниговскихъ”[163], хотя в исторической действительности не входил ни в одну из этих категорий. Он же присутствует в “Любецком синодике”[164] и во всех трёх случаях с развёрнутым обозначением “Нарєчєнного въ Сѣом крєщєшїи Гаврїила”.

Житийная традиция хорошо знает и родовое (языческое), и крестильное имена Всеволода Мстиславича[165], а вот имя его жены до сих пор было загадкой. Учитывая трижды воспроизведённую в синодиках последовательность позиций, когда Всеволод Ольгович поставлен выше Всеволода Мстиславича, рискнём, ввиду отсутствия более содержательных идей, экстраполировать ту же последовательность на великих княгинь. Если наше допущение верно, жену святого князя Всеволода Мстиславича, считающуюся дочерью другого святого князя Святослава Давыдовича (Николы “Святоши”), звали в крещении Елизаветой, а фундаторку Кирилловской церкви – Евдокией.

К сожалению, даже если мы не ошибаемся, это лишь одно из четырёх возможных имён этой женщины – крестильное. Имей она родовое (языческое) имя, мы его, скорее всего, уже не узнаем, поскольку же ей был принят постриг, то к списку добавилось как минимум одно, а в случае великой схимы и два монашеских имени[166]. Про её мирскую жизнь мы знаем только, что они с мужем имели пятерых детей (двоих сыновей и троих

---

[161] Александр Шеков считает другим Святославом Всеволодовичем “неизвестного по другим источникам князя, умершего в XIII в. (сына великого князя Всеволода Святославича Чермного)”, то есть гипотетического правнука Всеволода Ольговича: *Шеков А. В.* О ранней части помянника черниговских князей типа Любецкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М., 2016. – № 4 (66). – С. 30.

[162] Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах... – С. 16.

[163] Там само. – С. 16–17.

[164] *Зотов Р. В.* О Черниговских князьях по Любецкому синодику… – С. 24. При переписывании к имени князя ошибочно приписано имя Василий, которое в синодике Введенской церкви в Ближних пещерах принадлежит князю с предыдущей позиции.

[165] *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты. – СПб., 2007. – Т. 1: Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. – С. 9-427.

[166] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей… – С. 462.

дочерей). В 1141 (6649) году, уже как к великой княгине киевской, к ней обратился брат Изяслав Мстиславич и “реч: испроси ны оу зѧте Новгородъ Великыи братоу своемоу Ст҃ополкоу”, и сестра эту просьбу выполнила[167].

По наблюдениям Максимовича, “после своего тридцатилетнего замужества она оставалась еще тридцать три года вдовой и скончалась в 1179 году, и положена в церкви, юже бе сама создала”[168]. Вот эти-то 33 вдовьих года, по нашему предположению, и оставили по себе память среди конструктивных особенностей Кирилловской церкви. Речь идёт об уже упоминавшейся “княжеской молельне” на хорах, которая своей подчёркнутой обособленностью от общего храмового пространства наилучшим образом отвечает условиям поминальной молитвы женщины-фундаторки в мужском монастыре, посвящённом памяти её покойного мужа. Тем более если сама фундаторка была инокиней.

6. Об отсутствии признаков почитания Игоря Ольговича в символическом пространстве Киево-Кирилловской церкви

Логично задаться вопросом, почему в церкви на Дорогожичах, в частности в её поминальном приделе, никак не прослеживается страдальческая фигура Игоря Ольговича, незадолго до гибели, хоть и вынужденно, ставшего монахом под именем Георгия, а впоследствии канонизированного. Предполагаем, что случилось это частично потому, что сооружение возводилось уже вскоре после трагических событий 1146 года, по горячих следах, когда святость Игоря Ольговича, которого хорошо помнили живым, ещё не стала очевидной и более актуальными для фундаторов были другие мотивы.

После убийства тело Игоря перенесли в Михайловский Златоверхий собор и “на тоу ночь Бъ҃ проıавви над ним знамение велико, зажгошасѧ свѣчѣ вси над нимъ”[169]. Утром митрополит запретил рассказывать об этом чуде и позвал игумена Фёдоровского монастыря Ананию, который застал останки раздетыми и все ещё неотпетыми. Совершив необходимые обряды и приведя покойника (инока возглавляемого им монастыря!) в приличный вид, Анания перевёз тело Игоря “на конець града в манастырь ст҃моу Семеѡноу, бѣ бо манастъıрь ѿц҃а его и дѣда его Ст҃ослава, тамо положиша”[170].

То есть эмоциональный отзвук недавних событий был тогда настолько сильным, что священники в центре города не отваживались открыто исполнять свои прямые

---

[167] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 309. – С. 215.
[168] *Максимович М. А.* О создании Киевской церкви св. Кирилла. – С. 171.
[169] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 354. – С. 246.
[170] Там же.

функции, побаиваясь самосуда. Только на городской периферии, в Симеоновском монастыре, основанном и считавшимся своим черниговской династией, можно было относительно безопасно хранить это тело. Там оно и оставалось до 1150 года, когда “Ст҃ославъ Ѡлговичь перенесе мощи брата своего Игорѧ ѿ ст҃го Семена ис Копырева конца в Черниговъ и положиша оу ст҃го Сп҃са в теремѣ”[171].

За всё время пребывания останков в Симеоновском монастыре так и не встал вопрос о его перенесении в Кирилловскую обитель, которая также была “черниговской” и располагалась за пределами враждебного к Ольговичам Киева. На наш взгляд, непринятие такого логичного решения обусловлено тем, что и обитель, и её центральный храм тогда лишь появились и несколько первых лет де-факто оставались стройплощадкой. С другой стороны, несчастный Игорь Ольгович превратился для киевлян в большой психологический раздражитель и символ событий, вызывавших резко негативные эмоции.

В таких условиях, о публичном почитании в Киеве его памяти, а тем более канонизации, речь не шла. Не смотря на значительную площадь сохранившихся фресковых розписей, Кирилловская церковь всё же потеряла немало стенописи, а часть уцелевших композиций до сих пор не идентифицирована. Тем не менее очевидно, что патрональные сюжеты, причастные к персоналии Игоря Ольговича, тут вряд ли играли заметную роль, а скорее всего отсутствовали вообще. На наш взгляд, в первые годы существования храма, когда создавался его образ и символическое наполнение, фигура Игоря ещё не приобрела того значения, которое имела впоследствии. А вот с памятью о также неприятном им Всеволоде Ольговиче киевляне вполне мирились, а его погребение в вышгородском храме Бориса и Глеба оставалось нетронутым по крайней мере в течение ближайших десятилетий.

Игоревский культ, судя по всему, возник на удалении, в Чернигове, не исключено, как определённая антитеза киевской канонизационной традиции, порожденная именно трагическими событиями 1146-1147 годов. Перенесение останков, вероятно, стало одной из его кульминаций. Археолог Алёна Черненко локализирует место специально обустроенного тогда склепа-“терема” в юго-западном углу черниговского кафедрального Спасского собора, то есть, по нашей версии, в сакральном пространстве южного придела, ориентированного на поминальный алтарь-“кутейник”[172].

---

[171] ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 408. – С. 282.

[172] *Черненко О.* Про місцезнаходження князівських поховань у Чернігівському Спасо-Преображенському соборі // Opus mixtum. – К., 2015. – № 3. – С. 73-76.

7. Архитектурные аналоги Киево-Кирилловской церкви с учётом её возможного поминального характера

Поиск архитектурных аналогов южного (по нашей версии, поминального) придела Кирилловской церкви среди древнерусских храмов – дело непростое, ведь абсолютное большинство домонгольских каменных сооружений до нас не дошло, а сохранившиеся преимущественно имеют значительные утраты. Среди церквей-современниц, всё же уцелевших и имеющих схожую архитектурную модель, ближайшим является Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове. Первичная стенопись апсид тут не сохранилась, отсутствуют и ступени в толще стены диаконника, однако зодчий буквально повторил (или опередил – в зависимости от очерёдности возведения этих сооружений[173]) "кирилловскую" схему расположения южных молелен на первом и втором ярусах.

Так, "с южной стороны к хорам примыкает небольшая часовня, занимающая прилегающий к востоку отсек южного нефа. В толще восточной стены этой часовни размещена апсида"[174]. Под ней западней расположена часовня с оригинальной древнерусской восточной стеной, в которой сохранилась апсидка с фресковым изображением Оранты. В южной стене этого компартимента виден замурованный аркосолий, что свидетельствует в пользу возможного одновременно поминального и погребального предназначения часовни, возможно бывшей "родовой усыпальницей неизвестного строителя храма"[175].

Больше примеров предоставляет уцелевшая домонгольская архитектура Северо-Западной Руси, где, начиная со средины XII века, отдельные "палатки" в южных и северных частях хоров стали обычным приёмом[176]. По выводу Владимира Седова, "хоры … с выделенными палатками-приделами, предназначенными для отдельных служб по заказу ктиторов храма, встречаем во всех сохранившихся новгородских храмах второй половины XII столетия"[177].

---

[173] *Воробьева Е. В., Тиц А. А.* О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове // Советская археология. – М., 1974. – № 2. – С. 104-105.

[174] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. – Л., 1982. – С. 45. В северной стене часовни отсутствует окно в центральную часть храма, как это сделано в Кирилловской церкви. Не исключено, впрочем, что окно там было и его замуровали позже.

[175] *Моргилевський І. В.* Успенська церква Єлецького манастиря в Чернигові // Чернигів і Північне Лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріяли. – К., 1928. – С. 197; *Реутов А. В.* О назначении так называемых "крещален"…– С. 105; *Д. Б. К.* Елецкий Черниговский в честь Успения Пресвятой Богородицы женский монастырь // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [электр. версия]. – Режим доступа: http://www.pravenc.ru/text/189789.html [4 апреля 2018].

[176] *Гордиенко Э. А.* Хоры, нартекс, крещальня, придел в системе богослужения и в обиходе православного храма // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – № 2 (68). – 2017. – Июнь – С. 115.

[177] *Седов В. В.* Княжеский заказ в архитектуре Спаса-Преображения на Нередице // Новгородский исторический сборник. – СПб., 2000. – № 8 (18). – С. 43.

Особенно примечателен в этом ряду многострадальный новгородский храм Спаса на Нередице, значительно повреждённый во время Второй Мировой войны и реконструированный в послевоенный период. В отличие от Кирилловской и Успенской Елецкой церквей, внутристенный подъём на второй ярус в Спасе на Нередице (как и в целом в северо-западной храмовой традиции той эпохи) начинается не в северо-западном, а в юго-западном углу и выходит наверх в центре хоров, приблизительно напротив главного алтаря и над главным входом в храм[178]. Прямоугольник хоров на южном и северном своих концах ограничивается с востока верхними частями мощных столбов-колонн. В результате на втором ярусе образовались три отдельные функциональные зоны: центральный “балкон”, открывающийся в центральное подкупольное пространство, и две импровизированные комнаты-“палатки”, открытые лишь со стороны “балкона” и дополнительно освещённые небольшими окнами во внешних стенах храма.

Самое интересное тут предназначение этих “палаток”: если северная в нише восточной стены (то есть в толще столба) имеет небольшую лежанку, то в северной сделана “довольно высокая узкая абсида, заканчивающаяся конхой”[179], что превращает её в полноценную часовню. Поскольку же хоры Спаса на Нередице относятся к “открытому” типу, когда все упомянутые функциональные зоны между собой никак архитектурно не розделены, второй ярус храма приобретает черты исключительно индивидуального целостного пространства, предназначенного для конкретных потребностей определённого заказчика. В южной часовне он в любое удобное время молился, закрытый от посторонних глаз, а в северной мог так же невидимым передохнуть между длинными службами.

К счастью, история сохранила нам имя этого заказчика. Церковь Спаса на Нередице появилась в Новгороде по воле князя Ярослава Владимировича в 1198 году, причём сразу после трагической смерти двоих его сыновей[180]. Летописное сообщение хоть прямо и не утверждает, но позволяет допустить, что оба этих события между собой связаны и Спас на Нередице, таким образом, может быть поминальным храмом. Если такое допущение верно, то и индивидуальный характер хоров был заказан князем Ярославом исключительно для собственных поминальных молитв за сыновьями (подобно тому, как предполагаемая Евдокия Мстиславна могла заказать индивидуальную часовню на хорах Киево-Кирилловской церкви для поминания мужа).

---

[178] Таким образом устроен и подъём на хоры Борисоглебского собора в Чернигове, что вместе с рядом других особенностей (ряды аркосолиев в южной и северной стенах) делает его схожим с тем же Спасом на Нередице.

[179] *Седов В. В.* Княжеский заказ в архитектуре... – С. 43.

[180] ПСРЛ. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950. – С. 237.

Интересно, что оба эти персонажа были близкими родственниками: Ярослав Владимирович приходился родным племянником княгине “Всеволожей”. В Новгород его привела политическая необходимость, а вырос и воспитывался он, скорее всего, при своём отце Владимире Мстиславиче, княжившем в Южной Руси и окончившем жизнь в 1171 году великим киевским князем. Исследователь Владимир Седов подчеркивает, что “палатки”-часовни с апсидами на хорах северо-западное домонгольское зодчество восприняло именно с юга (“устройство придела с абсидкой на хорах и сам «открытый» характер хор выдают влияние южнорусской культуры и архитектуры”, что “вряд ли может быть связано с новгородской традицией”[181]). В случае же фундированных князьями храмов распространение строительных приёмов не в последнюю очередь связано с жизненными путями заказчиков.

Интересно, что и в Киево-Кирилловской, и в Чернигово-Успенской Елецкой церквях, и в Спасе на Нередице молельни на хорах устроены именно в юго-западном окончании, то есть в сакральном пространстве придела, ориентированного на поминальный алтарь-“кутейник”. К этому перечню можно добавить храм Петра и Павла на Городянке в Смоленске[182], возведённый в 1146 году ещё одним близким родичем – родным братом основательницы Кирилловской церкви князем Ростиславом Мстиславичем. Тут так же присутствует часовня с апсидой в южной части хоров и даже с отдельным выходом через дверь в западной стене на какую-то уже не существующую пристройку[183]. Важно, что техническая возможность обустройства аналогичных часовен в северной части хоров в большинстве названных сооружений существует, однако никогда не реализировалась, что дополнительно намекает на сознательный заказ и конкретные функциональные мотивы.

8. Предварительные выводы

Таким образом, ряд архитектурных особенностей Кирилловского храма в контексте нашей интерпретации письменных источников и натурных наблюдений может свидетельствовать о принципиальном поминальном характере этого сакрального сооружения, предназначенного засвидетельствовать посмертное почитание великого киевского князя Всеволода из черниговской династии Ольговичей через его патронального святого – Кирилла Александрийского. Соответственно, внутристенные

[181] *Седов В. В.* Княжеский заказ в архитектуре… – С. 44-45.
[182] Там само. – С. 44.
[183] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. – Л., 1979. – С. 76.

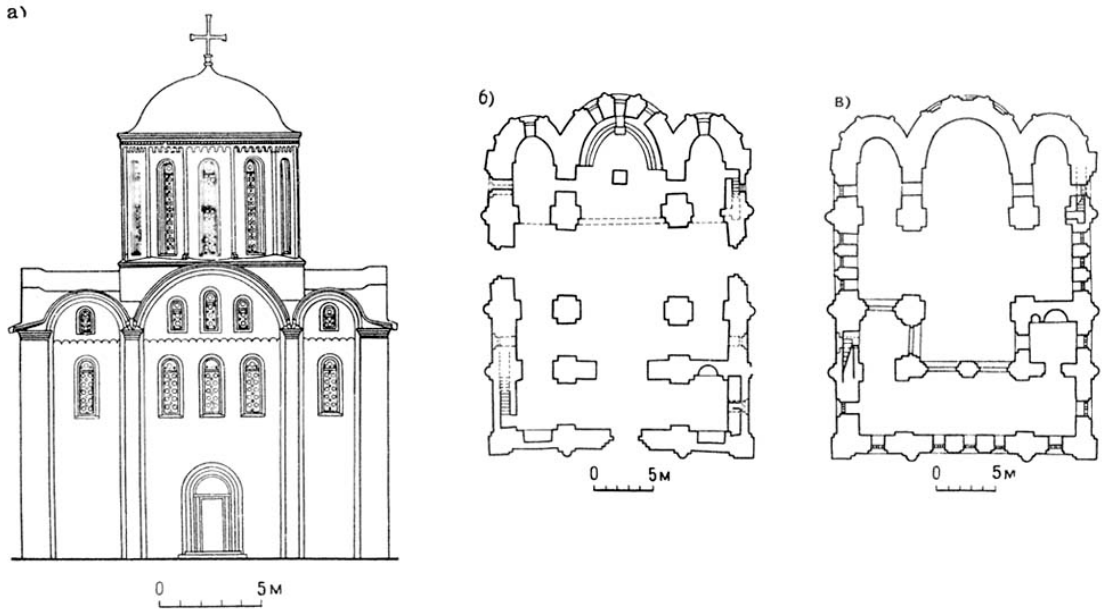
ступени в толще южной стены диаконника были частью первичного замысла и служили для доступа к неизвестной нам реликвии, связанной с этим святым. Сам храм возведён как центр монастырского комплекса непосредственно на месте трагических событий 1146 года, в результате которых была демонстративно пренебрежена посмертная воля Всеволода Ольговича, неоднократно скреплённая публичными христианскими клятвами, а определённый им преемник насильно лишён властительного статуса.

Появление именно там и тогда такого монастыря могло быть сознательным символическим шагом династии Мономаховичей (победителей противостояния) к сохранению хотя бы внешней гармонии в междинастических отношениях. Официальной фундаторкой святыни выступила вдова Всеволода Ольговича, входившая в обе династи и ставшая, таким образом, удобной компромиссной фигурой для воплощения задума. Со временем политическая актуальность этих мотивов была утрачена, первичное “прочтение” символических мессиджей сооружения забылось, и церковь начали воспринимать как обычный периферийный храм.

Следует признать, что допущения, выдвинуые в этой публикации, в значительной мере являются умозрительными логическими конструкциями, базирующимися на информации крайне немногочисленных и противоречивых письмнных источников и натурных наблюдений. Не сомневаемся, что в процессе более углублённых профессиональных археологических и историко-архитектурных студий не одна из высказанных нами позиций будет скорректирована, а то и отброшена. И всё же, если из всего нашего текста хотя бы какая-то часть окажется полезной для решения проблем прошлого Киево-Кирилловской церкви (пусть в качестве раздражителя и повода для дальнейших интерпретаций), мы будем считать свои усилия ненапрасными.

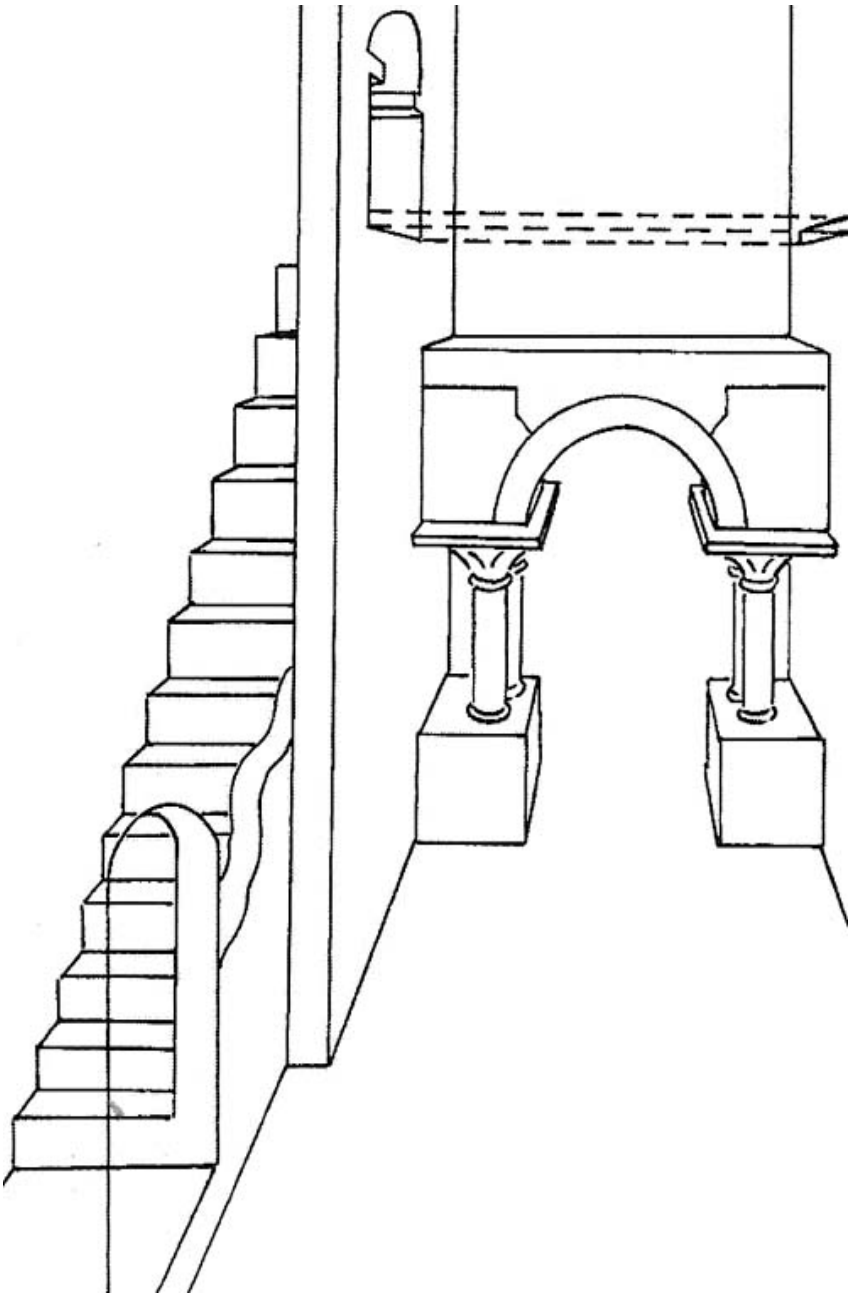
Современный внешний вид Киево-Кирилловской церкви с запада. Фото с дрона. Проект (“Українські Архітектурні Пам'ятки. Спадщина” (https://m-a-d-m-a-x.livejournal.com/373621.html).

Современный внешний вид Киево-Кирилловской церкви с востока. Фото с дрона. Проект “Українські Архітектурні Пам'ятки. Спадщина” (https://m-a-d-m-a-x.livejournal.com/373621.html).



Реконструкция западного фасада и планов обоих ярусов Киево-Кирилловской церкви на начальном этапе её существования. Иллюстрация из публикации: *Холостенко Н. В.* Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве // Памятники культуры. Исследования и реставрация. – М., 1960 – Вып. 2. – С. 6-16.

Современный вид с хоров на центральное подкупольное пространство Киево-Кирилловской церкви и вход в её южный алтарь.



Общая схема внутристенного хода и предположительного “балкона” в южном алтаре Киево-Кирилловской церкви. Иллюстрация из публикации: *Марголіна І. Є., Ульяновський В. І.* Київська обитель святого Кирила. – К., 2005. – С. 352.

Современный вид внутристенного хода на хоры Киево-Кирилловской церкви, конструктивно идентичного ходу в южном алтаре.

Современный внутренний вид пространства хоров Киево-Кирилловской церкви (с севера на юг). Вдали слева – вход в “княжескую молельню”.

Современный внутренний вид поминальной часовни на хорах Киево-Кирилловской церкви. Иллюстрация из публикации: *Иоаннисян О. М.* Зодчество первой половины – середины XII века // История русского искусства. – М., 2015. – Т. 2. – Ч. 1: Искусство 20-60-х годов XII века.

Современный внутренний вид пространства хоров Успенской Елецкой церкви в Чернигове (с севера на юг). Вдали слева – вход в “княжескую молельню”.

Современный внутренний вид пространства хоров церкви Спаса на Нередице в Новгороде (с юга на север). Вдали справа за аркой – возвышение, возможно использовавшееся как лежанка для отдыха. “Княжеская молельня” находится за спиной фотографа.